Неуловимый бандит

Автор:
Макс Брэнд

Неуловимый бандит

Макс Брэнд

Ловкий и бесстрашный парень Боб Пенстивен поклялся отомстить убийце отца, не останавливаясь даже перед тем, что это наводящий страх на окрестности Маркэма неуловимый бандит Джон Крисмас. И месть его оказалась для убийцы страшнее смерти.

Брэнд Макс

Неуловимый бандит

Глава 1

Мужчины, собравшиеся в «Элбоу-Руме», лучшем салуне городка Маркэм, говорили о Джоне Крисмасе[1 - Крисмас от англ. Cristmas – Рождество.]. И в этом не было ничего удивительного, ибо в те времена повсюду на Западе, стоило лишь собраться компании хотя бы из трех человек, разговор в конце концов почти неизбежно сворачивал на то, что слышно о знаменитом бандите и его похождениях. Позже завсегдатаи вспоминали, что они привычно обменивались новостями о Джоне Крисмасе и в тот день, когда Пенстивен впервые оказался в их городе, так как все, что было связано с его появлением в салуне, навсегда запечатлелось в их памяти, произведя поистине неизгладимое впечатление.

Кто-то громко объявил:

– В прошлую пятницу Крисмас снова устроил перестрелку в Паркервиле.

– В пятницу или в любой другой день – какая разница? – охотно откликнулся бармен. – Выходных у него не бывает.

И тут подал голос Пенстивен, до сих пор молча и скромно стоявший в дальнем конце стойки бара. Он был рослым парнем с волевым, темным от загара лицом, с которого, однако, не сходило благодушное выражение, совершенно не вязавшееся с его внешностью, а взгляд его был чист, как у наивной шестнадцатилетней девицы. Извиняющимся тоном, словно стыдясь собственной неосведомленности, он тихо спросил:

– Скажите, а кто такой этот Джон Крисмас?

Присутствующие с подозрением уставились на него. Судя по говору, парень был явно нездешним.

– И он еще спрашивает, кто такой Джон Крисмас! – язвительно хмыкнул бармен, не глядя на Пенстивена.

Казалось бы, такое замечание должно было неизбежно смутить чужака, но тут Винс Картер, видимо, тоже решил над ним покуражиться – следующая реплика принадлежала ему.

Вообще-то Винс был неплохим парнем, однако благодаря могучему телосложению силы имел с избытком и не упускал случая лишний раз найти ей хоть какое-нибудь применение. При ходьбе он отчаянно размахивал руками из-за того, что горы железных мускулов на плечах не позволяли держать их прижатыми к туловищу. Если же ему нужно было обернуться, то все тело тоже оказывалось развернутым, будто массивная шея слишком жестко соединяла воедино голову и плечи.

Винс Картер издевательски пояснил:

– Джон Крисмас, как ему и полагается, приходит в конце года, под Рождество. Так что, если хочешь разыскать его, отправляйся прямиком туда.

Пенстивен ничего не ответил. Взгляд его был по-прежнему благожелательным, зато окружающие смотрели на него теперь с еще большим подозрением. Разумеется, в реплике Винса Картера не было ничего оскорбительного, однако она предполагала хоть какую-то реакцию со стороны собеседника. Может быть, незнакомец просто не мог ответить по-мужски?

Тогда, с молчаливого одобрения толпы, Винс Картер продолжил развивать свою мысль, зная, что никто не станет возражать, если он еще немного поиздевается над этим высоким чужаком. Винс часто нарывался на неприятности, однако ему очень редко удавалось подыскать себе противника соответствующей комплекции. А этот незнакомец хоть и не мог тягаться с ним по части мускулов, но роста был почти одинакового.

– Если хочешь разыскать Крисмаса, дождись сперва конца года, – сказал Винс. – Хотя, обладая хорошим нюхом, его можно найти и пораньше. Но мне кажется, твой нос для таких дел совершенно не годится.

Это было уже слишком, что все прекрасно понимали, но, в конце концов, в обществе малообразованных людей к чужакам всегда относились с некоторым предубеждением. Разумеется, никто из присутствующих не отвернулся бы от Пенстивена и оказал бы ему посильную помощь, встретив его где-нибудь на дороге, в глуши, если бы тот вдруг попал в беду; но, с другой стороны, вряд ли во всем салуне нашелся бы такой человек, кому не доставляла бы удовольствия эта сцена.

Теперь Пенстивен обернулся и, хотя лицо его оставалось по-прежнему невозмутимым, все же отозвался:

– Мне не нравится такой тон.

Винс Картер недоуменно уставился на него. Он не верил своим ушам. Затем, отбросив всякие формальности, направился к незнакомцу, встал рядом и поинтересовался:

– Как тебя зовут?

– Мое имя здесь абсолютно ни при чем, так что я предпочел бы не называть его, – ответил Пенстивен.

Картер растерянно заморгал, будто не веря собственным глазам. Но теперь, когда он лишний раз убедился, что чужак, похоже, не собирается перед ним пасовать, его охватил азарт.

– Так ты хочешь сказать, – медленно проговорил Винс, – что не назовешь мне своего имени, да? По-твоему, я, значит, этого не достоин? Как говорится, не станешь метать бисер перед свиньями? Так прикажешь тебя понимать?

У Пенстивена была привычка в самый критический момент вскидывать левую руку и осторожно проводить кончиками пальцев по пробору в волосах. Вот и теперь он сделал то же самое, после чего вежливо улыбнулся, глядя на Картера.

– Именно это я и имел в виду, – подтвердил он.

– Ну что же, – угрожающе взревел Винс, – тогда я заставлю тебя изменить свое мнение.

– На улицу, ребята! Ступайте на улицу! – приказал хозяин заведения, всем своим видом давая понять, что он не допустит потасовки в салуне.

На что Боб Пенстивен ответил:

– Зря вы так волнуетесь. Это не займет много времени.

Говоря это, он проворно отступил на шаг в сторону, уклоняясь от мощного удара, который Картер хотел обрушить на его голову, затем отклонился чуть назад и, как бы между делом, заехал противнику кулаком в челюсть, отчего массивная голова драчуна оказалась запрокинутой назад, а на подбородке образовалась ссадина, похожая на мазок темно-алой краски. Толпа охнула от неожиданности.

Однако все обратили внимание, что Пенстивен не спешил закрепить свое преимущество. Он по-прежнему стоял, положив руку на стойку бара, но выражение его лица больше не казалось по-мальчишески безмятежным. Теперь

он был, скорее, серьезен, сосредоточен и вел себя так, будто ему просто выпала возможность понаблюдать за чужой дракой.

Между тем Винс рассвирепел окончательно. Ему казалось невероятным, что удар кулаком мог возыметь столь плачевные последствия.

– Он меня чем-то ударил, – прохрипел Картер. – Мошенник!

– У него в руке ничего не было, – возразил один из ковбоев. – Так что, Винс, все честно. А теперь давай врежь ему!

Картера не пришлось долго уговаривать. Когда туман в его голове потихоньку рассеялся, он снова оценил хрупкое телосложение противника и приготовился к броску, решив на сей раз отказаться от боксерских ударов и провести борцовский захват.

Бросив короткий оценивающий взгляд на надвигающуюся тушу, Боб Пенстивен сделал короткий шаг навстречу противнику. Если предыдущий удар он нанес правой рукой, то теперь настала очередь бить левой. Его кулак скользнул между огромными ручищами Винса и точно впечатался в челюсть, но уже с другой стороны.

Картер отпрянул назад, сделал по инерции несколько шагов, с трудом удерживаясь на ногах, и с размаху влетел спиной в стену, отчего у него тут же перехватило дыхание.

– Я не хочу тебя калечить, – произнес Пенстивен. – Лучше бы ты вместо упражнений в остроумии просто ответил на мой вопрос.

– Ну, я тебе сейчас устрою! – пообещал Винс. – Ты у меня сейчас будешь носом по полу ездить, молокосос паршивый!

Он бросился в атаку в третий раз, но теперь действовал более осмотрительно. Даже попытался боксировать, однако Пенстивен встретил его градом ударов, два из которых благополучно достигли лица драчуна. Незадачливый Картер начал истекать кровью, и все же ему удалось добиться того, на что он очень рассчитывал с самого начала, – сумел подойти к чужаку достаточно близко,

чтобы можно было провести захват.

Наблюдавшие за необычным поединком зеваки вздохнули с облегчением. А то им уже стало казаться, что их чемпион выдохся и сокрушительного поражения ему не миновать. Зато теперь, когда ему удалось навалиться на противника, дело приобрело совсем другой оборот.

– Только не заляпай кровью мою рубашку! – внятно проговорил Пенстивен.

И тут все увидели, что на самом деле Винс не мог запачкать кровью одежду чужака, так как голова его была высоко поднята и запрокинута назад, что, несомненно, выглядело странно для всякого мало-мальски знающего толк в борьбе! Но уже в следующий момент зрителям стало ясно – в подобной позе Картер оказался не по собственной воле. Теперь они отчетливо видели, как незнакомец, сунув руку за плечо противника, впился пальцами в его челюстную кость, отчего голова и оказалась откинутой.

Винс попытался колотить чужака огромными ручищами, но из этой затеи ничего не получилось. Затем, высвободив правую руку, попробовал ударить кулаком в лицо Пенстивена, но тот успел сделать мастерскую подсечку и тут же нанес удар под коленки драчуна, отчего тот с грохотом повалился на пол.

Чужак мгновенно опустился рядом с ним на одно колено и двумя руками ухватился за правую руку Картера. Локоть Винса находился на полу, Пенстивену достаточно было сделать одно легкое движение, чтобы сломать ему плечевой сустав.

– Я спрашивал о Джоне Крисмасе, – напомнил он, – а ты сказал…

– Дай мне только подняться, и я разорву тебя в клочья! – пообещал побежденный.

– Ты что-то сказал о Джоне Крисмасе? – напомнил Пенстивен.

Картер громко застонал:

– Ты сломаешь мне руку! Кто-нибудь, остановите его! Он меня калечит!

– Эй, чужак! – подал голос Том Рэндал. – Отпусти лежачего! Ты и так уже победил. Отпусти его, пусть себе идет!

Тяжело ступая, Том Рэндал решительно направился к небольшому пятачку, на котором разворачивались события, но Пенстивен лишь равнодушно взглянул на него.

– Пожалуйста, не мешайте нам, – вежливо попросил он.

Том остановился. Коснулся было пальцем рукоятки пистолета в кобуре у правого бедра, но выхватывать оружие не спешил.

– Так как же? – настаивал Боб Пенстивен, немного увеличив давление. – Ты расскажешь мне о Джоне Крисмасе?

– Черт возьми! – вскричал Картер. – Крисмас… я не знаю, где он. Я никогда его не видел. Я не знаю. Отпусти мою руку!

Пенстивен поднялся и старательно отряхнул колено, которым касался пола, потом посмотрел на пальцы и ладонь правой руки, выпачканные кровью. Картер тоже вскочил на ноги, хотел выхватить пистолет, но оружия при нем не оказалось, тогда он опрометью бросился к выходу и выбежал на улицу.

Пенстивен подошел к рукомойнику в углу салуна, вымыл руки, вытер их носовым платком, извлеченным из нагрудного кармана рубашки, после чего снова занял свое место у стойки бара. Там стояла его недопитая кружка с пивом, он сделал из нее небольшой глоток.

– Почему ты так обошелся с Картером? – полюбопытствовал бармен, невысокий рыжеволосый человек, судя по всему, ирландец.

– Потому что он вывел меня из себя. А еще потому, что мне хотелось известить о моем приезде Маркэм и его окрестности, – пояснил Пенстивен улыбаясь.

Его улыбка как бы подчеркивала несерьезность сказанного.

Глава 2

Никогда еще стены «Элбоу-Рума», завсегдатаи которого обычно были не прочь приврать и прихвастнуть, не слышали столь необычного разговора, который состоялся вслед за этим между чужаком и барменом. Пенстивен при этом не переставал мило улыбаться, так что со стороны могло показаться, будто он просто развлекает собравшихся, потчуя их небылицами.

Бармен задавал тон беседы, направляя ее в нужное русло.

– Что ж, чужак, полагаю, ты показал всем нам, что дерешься довольно неплохо, – начал он.

– Да, драться я умею, – вежливо согласился Пенстивен.

Тихий ропот пробежал по рядам собравшихся. Настоящие бойцы никогда не хвастаются. Никогда! Ну, то есть пока им удается сохранять трезвость мышления.

А этот парень во всеуслышание признавал, что он хороший боец. Джерри – так звали бармена – прищурился настолько, что его глаза почти исчезли в складках кожи.

– И все-таки, чужак, как я вижу, ты почему-то говоришь об этом с улыбкой.

Пенстивен попивал пиво и по-прежнему улыбался.

Несмотря на драку, свидетелем которой ему довелось стать, хозяин бара все же не был склонен верить хвастуну на слово, поэтому продолжил:

– Но коль скоро ты и вправду умеешь хорошо махать кулаками, то почему бы тебе не попробовать себя на боксерском ринге, а? Там можно заработать кучу денег!

– Наверное, я и смог бы разжиться деньгами на этом деле, – подхватил Пенстивен. – Но только рано или поздно мне попался бы противник сильнее

меня. А я не люблю быть битым. К тому же все одновременно не могут быть чемпионами мира.

– А я, грешным делом, подумал, что ты им уже был, – хмыкнул Джерри.

– Нет, ты так не думал, – возразил несносный Пенстивен. – Просто пытаешься втянуть меня в разговор и выставить перед всеми дураком.

Маленькие хищные глазки бармена широко распахнулись.

– Похоже, тебя на мякине не проведешь. Скажи, чужак, это так?

– Напрасно тратишь время на пустую болтовню! – отмахнулся Пенстивен. – Я не хочу ни с кем ссориться, а ты как будто специально напрашиваешься на неприятности. Так что давай потише на поворотах! – Он произнес это, продолжая улыбаться, по-прежнему учтиво и рассудительно.

Джерри потряс головой, словно вышедшая из воды собака.

– Но ведь кроме кулаков есть и другие методы борьбы, – вкрадчиво заметил он.

– Имеешь в виду ножи, дубины и прочее оружие? – уточнил Пенстивен.

– Слушай, – усмехнулся Джерри, – ты прямо-таки читаешь мои мысли! Но может, и действительно стреляешь так же ловко, как орудуешь кулаками?

– Смотря из чего стрелять, – протянул Пенстивен. – Я довольно неплохо владею винтовкой, но со стрельбой из ружья дела обстоят получше, хотя приходилось встречать охотников на уток, которые давали мне сто очков вперед.

– Ну вообще! Ты меня удивляешь! – не без сарказма воскликнул Джерри.

Остальные собравшиеся помалкивали, с видимым интересом прислушиваясь к разговору. Этот тихоня чужак перечислял свои достоинства, будто бы был породистой скотиной, выставленной на продажу в базарный день!

– Зато по части стрельбы из револьвера, – закончил свою мысль Пенстивен, – мне нет равных. – И снова отхлебнул пива.

В то время, пока взгляд парня казался устремленным в кружку, Джерри закатил глаза, став похожим на раненого быка. Судя по выражению его лица, он, наверное, мог бы даже застонать, тем более что рот его был приоткрыт, но не издал ни звука. Хотя в конце концов собрался с духом и заявил:

– Полагаю, круче тебя на всем свете нет никого.

– Да, – скромно подтвердил чужак, – осмелюсь утверждать, это так. Я один из самых крутых.

– Что ж, очень рад за тебя, – продолжал бармен. – Мне много приходилось слышать о крутых парнях, метко стреляющих из револьверов, но вот увидеть хотя бы одного своими глазами как-то не доводилось. Я имею в виду тех ребят, что насаживают шесть яблок в ряд на забор из колючей проволоки, а затем проносятся мимо верхом на лошади на расстоянии примерно двадцати пяти футов от него и на полном скаку выстрелами сбивают все яблоки. Слышал, что это делается именно так. Но, полагаю, для такого непревзойденного стрелка, как ты, эдакий трюк – сущие пустяки? Тебе, наверное, не составит труда продемонстрировать нечто подобное?

– Совершенно никакого, – прозвучало в ответ.

Джерри уперся ладонями в стойку и напрягся. Он раскраснелся и шумно, прерывисто дышал. А на лицах любопытствующих посетителей, слышавших хвастовство Пенстивена, застыли недоверчивые ухмылки.

– Да уж, братец, не хотел бы я попасть тебе под руку и стать мишенью для демонстрации твоих способностей по части стрельбы, – заметил Джерри. – В том смысле, что таким парням, как ты, лучше демонстрировать свои таланты на яблоках, чем на себе подобных, не так ли?

– Именно это я и имел в виду, – кивнул Пенстивен. – В чужом краю обычно приходится отвоевывать себе место под солнцем. И если я докажу, что могу постоять за себя, надеюсь, необходимость в дальнейших разборках попросту отпадет?

– Ты так думаешь? – затаив дыхание, переспросил Джерри.

– Очень на это рассчитываю, – лучезарно улыбнулся Пенстивен.

– Чужак, – проговорил Джерри срывающимся голосом, – вот здесь у меня лежат как раз шесть яблок, на той стороне улицы есть забор из колючей проволоки, а у коновязи прямо перед входом в мое заведение полно лошадей – выбирай любую. Не хотелось бы тебя утруждать, но, как ты сам только что объяснил, все было бы гораздо проще, если бы ты сел на коня и с ходу посшибал яблоки с забора. Тебе даже не обязательно пускать лошадь рысью, пусть себе идет шагом. Как видишь, мы люди не гордые. Никакими особыми талантами по части стрельбы не отличаемся. Ради такого случая я даже мог бы одолжить тебе пару пистолетов, если хочешь.

С этими словами Джерри сунул руку под стойку, и глаза его загорелись дьявольским блеском.

Но тут из-под полы куртки Пенстивена, как по волшебству, появились два револьвера, дула которых оказались направленными на бармена. Джерри показалось, что чужак даже как бы не смотрит в его сторону, а, опустив глаза, внимательно их разглядывает. Он медленно разжал пальцы и выпустил оружие, которое намеревался извлечь из-под стойки. В тот же самый момент стволы обоих кольтов опустились. Бармен понял, что это отнюдь не было простым совпадением. Ему только что довелось побывать под прицелом сразу двух револьверов, так молниеносно извлеченных из кобуры, что он даже не мог предположить, что такое вообще возможно!

Присмотревшись, он заметил, что на кольтах спилены прицелы. Приглядевшись повнимательнее, увидел, что и спусковые крючки тоже отсутствуют.

– Оружие в полном порядке, – объявил Пенстивен. – Тебе остается насадить яблоки на забор…

– Слушай, – перебил его бармен, – а что ты сделал со своими пушками?

Кольты исчезли так же внезапно, как и появились; даже зоркий глаз Джерри не сумел заметить, куда они подевались.

– Обыкновенная ловкость рук, – с подкупающей откровенностью признался необычный посетитель. – Достигается ценой многолетних тренировок с самыми разными предметами, через упражнения для пальцев и тому подобные премудрости; и лишь после этого я взялся за оружие. Заряженный револьвер, надо сказать, игрушка довольно опасная. Так что пришлось принять кое-какие меры предосторожности. И даже сейчас ячейку патронника напротив дула я всегда держу пустой. Правда, из-за этого каждый кольт оказывается заряжен лишь пятью патронами, но зато так гораздо безопасней. Как говорится, личный покой прежде всего. Что же касается практических навыков обращения с револьверами, то конечно же всякому понятно: в перестрелке исход боя зачастую зависит от скорости реакции и умения быстро выхватывать оружие. Так что мне пришлось научиться и этому тоже.

Джерри рассеянно выдвинул полупустой ящик, вынул из него шесть яблок и молча направился к выходу. Чужак последовал за ним из прохладного полумрака салуна на залитый ослепительным солнечным светом тротуар, где было пыльно и жарко. Вслед за ними на улицу высыпала толпа зевак.

Перейдя через дорогу, бармен насадил рядком все шесть яблок на шипы колючей проволоки. Это были мелкие желтые яблочки, и теперь друг от друга их разделяло расстояние всего в дюйм или около того, что должно было значительно увеличить скорость стрельбы.

– Можешь выбрать любую лошадь на свое усмотрение, – хрипло напомнил Джерри, указывая на длинный ряд животных у коновязи.

– Я в лошадях не разбираюсь, – объявил чужак. – Может, посоветуешь, какую взять, – самую покладистую изо всех?

– Не разбираешься в лошадях? – удивился Джерри. – Что ж, чужак, вряд ли из меня получится хороший советчик. Но только на твоем месте я взял бы вон того гнедого одноглазого мерина. Такой спокойный конь, что его даже привязывать необязательно.

– Ладно, – согласился Пенстивен. – Рискну взять гнедого мерина. Уверен, ты не станешь меня обманывать. Не так ли, бармен? – Он пристально посмотрел на него.

И хотя с лица чужака все еще не сходила улыбка, внутри у Джерри все похолодело.

– Если у тебя есть какие-то сомнения насчет гнедого мерина, то возьми вон ту серую кобылу, что стоит рядом, – предложил он.

Пенстивен кивнул, оседлал серую кобылу и немного проехал на ней по улице сначала шагом, затем расью, наконец, галопом.

Лошадь неслась галопом, когда совершенно неожиданно он на полном скаку бросил поводья, выхватил оба револьвера и открыл стрельбу по яблокам. Все произошло так быстро, что никто даже не успел сосчитать, сколько было сделано выстрелов. Когда же стрельба утихла, на заборе осталось лишь одно-единственное яблоко, повиснувшее на обрывке тонкой кожицы, но и оно через мгновение упало на землю.

Развернув лошадь, Пенстивен подъехал обратно к салуну, спешился и оставил животное у коновязи, после чего перезарядил револьверы, загнав пять пуль в барабан одного и еще одну в свободный патронник другого.

Толпа тем временем переместилась к забору, где в траве валялись яблочные останки. При этом вид у всех был такой сосредоточенный, словно на земле у забора были разбросаны золотые слитки. Затем, все еще пребывая в глубокой задумчивости, мужчины потянулись обратно к салуну и застали там Пенстивена, как ни в чем не бывало потягивающего из кружки недопитое пиво.

Джерри прошествовал за стойку и встал напротив него.

– Это самая классная стрельба, которую мне когда-либо приходилось видеть, – признался он.

– Спасибо, – ответил Пенстивен. – Правда, с одним выстрелом я все же переборщил – взял слишком высоко и излишне вправо. Чуть не промазал. Это мой недостаток – я часто забираю слишком высоко и правее, чем нужно.

– Ну что ж, – отозвался бармен, – тогда позволь мне дать тебе один совет. Ты уж постарайся не брать слишком высоко и не перегибай вправо, когда встретишься

со Стю Картером. Винс-то к тебе больше не полезет. Особенно сейчас, после того как узнает про яблоки. Но вот Стю наверняка заявится сюда, чтобы вызвать тебя на разговор. И пушки свои тоже прихватит с собой, уж можешь не сомневаться.

Глава 3

В салуне наступило тягостное молчание, которое нарушилось лишь после ухода Пенстивена. Завсегдатаи стали обмениваться впечатлениями от увиденного, выражая свои чувства короткими, отрывистыми фразами.

– Да уж, это вам не олух, – заявил Джерри.

– Точно, – согласился с ним кто-то.

– Раскрыл перед нами все карты – и все дела, – заметил третий.

– И совсем он не заносился, не было такого.

– Вот только эта его ухмылочка…

– Интересно, каким ветром его занесло в наши края?

– Понятия не имею.

– Ничего, скоро мы это узнаем. И тогда все станет ясно.

– Ага, такие, как он, не станут долго сидеть сложа руки.

Народу в салуне заметно прибавилось. По городу уже поползли слухи; и теперь, когда все факты были налицо, толпа любопытствующих горожан быстро росла.

Вскоре створки двери широко распахнулись и на пороге салуна возник человек с короткими и очень кривыми ногами. Сложен он был весьма непропорционально, отчего верхняя часть туловища казалась слишком длинной по сравнению с

нижней. На вид ему было лет сорок, и, видимо, большую часть времени он проводил за работой на открытом воздухе, ибо лицо у него было обветренным и очень загорелым.

– Чужак здесь? – строго спросил он. – Тот парень, что избил моего брата, Винса?

Это был Стю Картер собственной персоной. В ответ Джерри проворковал, что чужак уже ушел, и тогда Картер заявил:

– Если кто-нибудь из вас, парни, его увидит, передайте ему, что я жду его здесь завтра, примерно в это же время. Всем ясно? Уж очень мне не терпится с ним потолковать. – Сказав это, он развернулся и вышел из салуна.

Воцарившаяся с его появлением тишина вскоре была нарушена тихим ропотом.

– Значит, будут стреляться, – авторитетно говорили друг другу мужчины, взволнованно сверкая глазами и качая головами с видом больших знатоков. Поединки со стрельбой – зрелище поистине захватывающее. Особенно если наблюдать за ними со стороны.

А в это время в городской гостинице Пенстивен беседовал с портье, стоявшим за стойкой.

– Денег у меня немного. У вас есть дешевые номера?

– Могу поселить вас за доллар в день, – предложил портье.

– Что ж, за такие деньги я, пожалуй, остановлюсь у вас на какое-то время, – согласился Пенстивен.

– Вот книга. Желаете зарегистрироваться прямо сейчас?

– Это пустая трата времени! Вы так не считаете? – высказался Пенстивен.

– Для кого как, – уклончиво ответил дипломатичный служащий. – Одни отказываются, другие не возражают…

Пенстивен взял ручку и торопливо нацарапал: «Джон Чужак».

– Таким именем меня наградили здесь, в вашем Маркэме, – пояснил он портье и отложил ручку.

Тот взглянул в регистрационную книгу, затем поднял взгляд на нового постояльца и лучезарно улыбнулся:

– Все в порядке. Место у нас спокойное, люди немногословные, особенно когда дело доходит до вопросов о том, кто откуда родом и кого как зовут на самом деле.

Он проводил Пенстивена в комнатушку, находившуюся на верхнем этаже, под самой крышей. Это была крохотная каморка, в которой стояла невыносимая духота от железной крыши, раскалившейся под палящими лучами солнца. Ничем не прикрытые стропила и кровельная дранка были на виду.

– Ну как, останетесь? – поинтересовался портье.

– Прекрасный вид, – привычно улыбнулся Пенстивен и бросил скатку с одеялом на кровать.

Портье ушел, а новый постоялец остался сидеть у окна и, казалось, совершенно не обращал внимания на царившую в каморке неимоверную духоту. Он глядел на улицу через крохотное чердачное окошко и видел зеленеющие холмы, которые дальше сменялись пустыней, где трава была пыльной и пожухлой, а далекий горизонт окутывала багряно-лиловая дымка. Если немного высунуться из окна и посмотреть вправо, то можно было увидеть горы, на склонах которых раскинулись обширные сосновые леса, и над их великолепием высились, поблескивая в лучах солнца, безжизненные скалистые вершины с белевшими от снега прожилками ущелий и расщелин.

Наверное, было бы довольно занимательно перед тем, как уехать отсюда, совершить прогулку сначала по пустыне, а потом забраться на один из утесов.

Пенстивен пока еще не знал, куда занесет его судьба, он был твердо уверен лишь в одном – его место там, где обитает Джон Крисмас.

Добраться сюда оказалось очень нелегко. Боб даже не был до конца уверен в том, что прибыл именно туда, куда надо. Только лишь надеялся, что этот городишко находится где-то в центральной части обширных территорий, на которых хозяйничает великий Джон Крисмас.

А пока что ему оставалось лишь сидеть и ждать. И так будет продолжаться до тех пор, пока не удастся обнаружить хоть каких-нибудь доказательств его правоты. В кармане у него было одиннадцать долларов и несколько центов. А в довершение ко всему ужасно хотелось есть, поэтому воображение услужливо рисовало шикарный обед, состоявший из блюд, которые он обязательно съел бы, если бы только мог себе это позволить. Интересно, сколько еще должно пройти времени, прежде чем Пенстивен сможет свободно тратить деньги на еду и не будет отказывать себе буквально во всем?

В дверь постучали. Обернувшись, он увидел стоявшего на пороге человека лет пятидесяти – пятидесяти пяти, с измученном лицом. Визитер переступил порог и снял шляпу с лысой головы.

– Настоящее пекло, а не комната, – заметил он.

– Мой бумажник настоятельно советовал остановить выбор именно на ней, – пояснил Пенстивен.

– Меня зовут Чарльз Уэйс, – представился незваный гость. – Я шериф этого округа. Как раз проходил мимо и решил проведать вас, мистер Чужак.

– Тронут вашим вниманием, большое спасибо, – отозвался Пенстивен.

Он встал, и они обменялись рукопожатиями. Затем хозяин комнаты предложил шерифу сесть, указав на стул, но тот покачал головой и уселся на кровать.

– Мне необходимо поговорить с вами об одном деле, – объявил Уэйс.

Пенстивен понимающе кивнул.

– Я имею в виду, – продолжал шериф, – что ваше появление в Маркэме вызвало целую волну кривотолков и пересудов, хотя вы пробыли здесь всего-навсего

пару часов. Вы ведь прибыли с последним поездом, так?

– Да.

– Зайцем, в багажном отделении? – весело поинтересовался шериф.

– Нет. В мягком вагоне. Я всегда покупаю билет. Я не какой-нибудь бродяга, мистер Уэйс.

Шериф махнул рукой.

– Не обижайтесь, – примирительно произнес он. – Мне все равно. К тому же я совсем не любопытен.

– Спасибо хоть на этом.

– И все-таки хочу вам кое-что сказать. Речь о Маркэме. Наш городок – место особое. Очень многие, приезжая сюда, остаются здесь навсегда, и город принимает их, но есть и такие, которые никак не вписываются в местный расклад. Я прожил тут достаточно долго и могу с первого взгляда определить, кто будет жить и процветать в Маркэме, а кто просто-напросто засохнет и захиреет в этом климате.

– Хотите сказать, что я не должен оставаться в вашем городе? – по своему обыкновению, прямодушно уточнил Пенстивен.

– Не должны, – подтвердил шериф. – Вам здесь не место. Вы, наверное, еще не слышали последних новостей, которые имеют к вам самое непосредственное отношение?

– Должно быть, не успел, – ответил Пенстивен.

– Дело в том, что некоторое время тому назад брат Винса Стю Картер явился в «Элбоу-Рум» и во всеуслышание попросил вам передать, что будет ждать вас там завтра, в то же самое время. Видите ли, он хочет с вами познакомиться. А короче говоря – убить.

– Правда? – спросил Пенстивен.

– Да, мистер Чужак, или как вас там зовут. Ему нужен ваш скальп. А уж коль скоро Стю Картер задался такой целью, он своего добьется, можете не сомневаться. Он всегда получает то, что хочет.

– Как интересно! – отреагировал Пенстивен. – Не расскажете ли мне о нем поподробнее?

– Этот парень, похоже, был рожден с пистолетом в одной руке и с ножом – в другой. Он не расстается с ними никогда, каждодневно оттачивая и совершенствуя свое мастерство.

– Я занимаюсь тем же, – заметил Пенстивен.

– А вам доводилось когда-нибудь стрелять в людей? – полюбопытствовал шериф.

– Нет, – признался Пенстивен.

– Я вам конечно же не верю, – заявил шериф. – Только в любом случае стрельба по яблокам – это далеко не одно и то же, что выходить с оружием против такого парня, как Стю Картер. Яблоки, по крайней мере, не оказывают сопротивления.

– И то верно, – согласился Пенстивен.

– Так что, – подытожил Уэйс, – вам лучше не задерживаться. А если вы уже заплатили какие-то деньги за комнату, то я мигом могу все уладить.

Пенстивен покачал головой:

– Я никуда не уеду. Вы почему-то решили, что я бродяга. Но уверяю вас, это не так.

– Ой ли? – засомневался шериф. – Значит, вы совсем не тот, за кого себя выдаете, мистер Джон Чужак?

– Вас смущает мое имя, не так ли? – поинтересовался Пенстивен.

– Не очень. Имена меня не смущают. Дело не в них, а в людях, которые их носят.

– Тогда поверьте на слово, что за всю мою жизнь я еще ни разу не сделал ничего такого, что шло бы вразрез с законом. Я не присвоил чужого гроша, никого не убил и не ранил, а если и дрался с кем, то орудовал лишь собственными кулаками, да и такое случалось крайне редко.

Шериф прищурился. Он думал.

– Знаешь, сынок, я тебе почти верю, – проговорил наконец. – Но только если тебе хочется сохранить этот рекорд, а заодно и спасти собственную шкуру, лучше убирайся отсюда.

– Нет, – возразил Пенстивен. – Я должен остаться.

– Если ты все-таки решишь остаться, возможно, ночевать тебе придется в тюрьме. Я еще не решил. Но мне определенно не по душе эта затея с поединками и перестрелками, и я намерен всячески этому препятствовать.

– Тогда арестуйте Стю Картера и посадите его в тюрьму. Это он назначил мне встречу.

– Хочешь убить его и сделать на этом себе имя? Этого добиваешься?

– Я вовсе не собираюсь его убивать, – холодно ответил Пенстивен. – Просто прежде мне никогда не доводилось сталкиваться лицом к лицу с человеком, который жаждал бы моей смерти. Но теперь охота почувствовать, каково это. Хочу убедиться, справятся ли с таким напряжением мои нервы. Вот и все.

– Нет, это не все, далеко не все! – возразил шериф. – Ты что-то задумал, затеял какую-то игру, и все это очень и очень серьезно. Но запомни, сынок, я буду следить за каждым твоим шагом. Так что малейшее неверное движение с твоей стороны – и оглянуться не успеешь, как окажешься за решеткой!

Глава 4

Однако юному Пенстивену не было суждено отправиться в тюрьму. Он до самого вечера просидел в комнате, затем съел скудный ужин и опять поднялся к себе – в самое дешевое место для ночлега во всем городе.

Прежде чем улечься, юноша целый час упражнялся с револьверами, тренируясь выхватывать их из кобуры. При этом он падал на пол, принимал самые разнообразные позы для стрельбы и мысленно обозначал выстрелы. Казалось бы, довольно странное времяпрепровождение для серьезного человека. Тем не менее Пенстивен упорно занимался, так, что с него пот лил градом. Затем разделся, обтерся у рукомойника губкой, смоченной холодной водой, и лег спать.

Тощий тюфяк оказался обыкновенным холстинным мешком, набитым соломой. Из него повсюду торчали острые соломинки, пробившиеся через ткань, которые безжалостно впивались в тело. Но Боб постарался сосредоточить внимание на одной-единственной звезде, заглядывавшей в окошко его каморки, и быстро уснул.

Проснулся Пенстивен, по своему обыкновению, на рассвете, вполне довольный, что проспал семь часов. Вскочив с кровати, облился холодной водой, насухо вытерся, торопливо побрился, оделся и вышел на улицу, где земля была все еще мокрой от росы.

Выйдя за окраину городка, он отправился в сосновый лес, где, не разбирая дороги, пробежал, по крайней мере, две мили, пока наконец не очутился на небольшой полянке. Там остановился, вынул оба револьвера и начал опять тренироваться. Выбрал четыре мишени, вышел на середину полянки и вообразил, что ему приходится уворачиваться от пуль, будто летящих в него со всех сторон от врагов, залегших на земле.

Прогремело десять выстрелов. Затем юноша перезарядил револьверы и отправился осматривать мишени. Шесть пуль угодили точно в цель. Два выстрела оказались не очень точными, а две пули и вовсе не задели мишеней!

Это его совершенно не устроило. Вернувшись понуро на исходную позицию, он проделал все сначала. Тренировка затянулась на час. Десять раз он полностью разряжал оба револьвера, с десятой попытки все пули попали точно в цель.

Однако Пенстивен все еще не был доволен. К тому же ему хотелось отработать и другие упражнения: например, быстро отбежать от цели и, обернувшись, выстрелить или же, убегая, броситься на землю и поразить ее в падении.

Он наметил ствол дерева сбоку от себя и стрелял по нему сначала проходя, затем пробегая мимо. И так повторил дважды. Затем выбрал сразу две цели – справа и слева. Этот трюк оказался самым сложным, потому что с разбега совершенно неожиданно и притом метко надо было выстрелить сначала в одну, а затем в другую сторону.

Результат оказался неплох, но все же не таков, какого ему хотелось бы, – его достижения остались на прежнем уровне. Однако за годы изнурительных тренировок Пенстивен научился не расстраиваться из-за временных неудач. Он давно понял: везение не может быть постоянным, но в каждом месяце обязательно выдается такой день, успехи которого с лихвой покрывают все предыдущие невезения. Он много работал и благодаря поистине спартанскому терпению все-таки почувствовал в себе силы совершить то, что стало делом всей его жизни.

Ему хотелось многое постичь. Ковбоем он не стал, но тем не менее, проявив завидную настойчивость и упорство, выучился ездить верхом, ловко обращаться с лассо, помимо всего прочего, прочитал много книг, а также провел некоторое время в глуши, овладевая искусством следопыта.

Все это получалось у него довольно неплохо, однако и до совершенства было еще далеко. Впрочем, Боб и не задавался такой целью, считая эти навыки второстепенными. Превыше всего он ставил умение отлично владеть винтовкой, ножом и револьвером – в особенности револьвером, и теперь мог запросто посоперничать в этом деле с кем угодно. Возможно, какой-нибудь гений, обладающий сверхметкостью, при случае и смог бы превзойти его, но только сам Пенстивен был уверен, что в жизни ему доведется не более чем один раз сойтись в поединке с достойным его соперником. Придя к столь обнадеживающему выводу, он и решил приехать в Маркам, чтобы попытать счастья.

Юноша присел на пенек, чтобы перевести дух, а заодно и обдумать сложившуюся ситуацию, когда неподалеку в ветвях сосны что-то зашевелилось. Затем стал виден темный силуэт, проворно спускающийся по сучьям вниз. Добравшись до нижней ветки, существо повисло на ней, готовясь спрыгнуть на землю, и только тогда ему удалось разглядеть, что это было вовсе не животное, а человек – хрупкий юноша в потрепанных штанах. Хотя нет, присмотревшись получше, обратив внимание на узкие плечики и очертания фигуры, Пенстивен с некоторым опозданием понял, что это девушка.

Она спрыгнула, приземлившись мягко, словно кошка, слегка подавшись вперед, готовая при необходимости перенести часть своего веса на руки. Однако этого не понадобилось. Затем выпрямилась, поправила старое сомбреро, надвинув его пониже на глаза, и сказала:

– Привет, стрелок!

Глядя на нее, парень терялся в догадках. На вид, казалось, ей лет восемнадцать, может, двадцать. У нее был большой подбородок и маленький носик – не красавица, но все же чертовски хороша, а к тому же, видать, не робкого десятка. Девушка походила на мальчишку-сорванца, и не только из-за своего странного наряда.

– Привет, – отозвался Пенстивен, заканчивая чистить и перезаряжать револьверы.

– Того запаса пороха и свинца, что ты расстрелял, хватило бы, чтобы добыть пропитание для целой семьи и сделать запасы на год, не так ли? – произнесла она.

– Если кто-то сможет подобраться к оленю достаточно близко, чтобы уложить его выстрелом из револьвера, то да, – согласился он.

– Я могу, – заявила девчонка.

– Ага! – воскликнул Пенстивен. – Верю, у тебя получится. Ты же легкая, как перышко.

Его насмешливый тон и благодушная ухмылка, похоже, смутили ее.

– Послушай, – она критически поглядела на него, стараясь изо всех сил казаться невозмутимой, – а кого ты собираешься убить? Ты так упорно упражнялся, что распугал всех белок.

– Уж, во всяком случае, не тебя, – буркнул Пенстивен. – Я не знал, что ты все это время сидела на дереве.

– Пока ты здесь тренировался, вон оттуда мог выйти кто угодно, и ему хватило бы одного выстрела, чтобы разнести тебе башку, – авторитетно изрекла она, кивнув в сторону зарослей. – Кем бы ни был твой враг, не позволяй ему отыскать себя в лесу, иначе он сожрет тебя с потрохами.

– Правда? – усомнился Пенстивен.

– Непременно, – подтвердила она.

– И каким же образом?

– Ладно уж, объясню, – согласилась девчонка. – Вот как ты ходишь. – Она прошлась перед ним, подражая его размашистой походке – широко шагая и размахивая руками; при этом с каждым шагом под ногами у нее хрустели сухие ветки и шелестела опавшая сосновая хвоя. Затем обернулась. – А вот как ходит человек, знающий лес, – и снова прошлась по тому же месту, но так, что шаги ее были совсем не слышны.

– Ладно, ходить ты умеешь, – признал Пенстивен.

– Нужно уметь видеть ногами, подобно тому, как летучие мыши видят крыльями, – пояснила девушка. – Вот чему тебе не мешало бы научиться прежде всего. Ты кто?

– Джон Чужак, – представился он.

– Чужак? – медленно повторила она. – Странный ты какой-то. Ведь это не настоящее твое имя?

– Конечно нет. Но в данный момент меня зовут именно так.

– Ну да, некоторые люди меняют имена, словно шляпы, – выбрасывают старые и выбирают новые, – растолковала она. – Но ты не похож на бандита.

– Пока нет.

– Выходит, ты пока что сам за себя? – уточнила девушка.

– В каком-то смысле да.

– Ясно. – Она понимающе кивнула. – Ты приехал на Запад в поисках свободы, независимости и тому подобной ерунды?

– Почему же это ерунда?

– Потому что свободных людей не бывает. Но ко мне это не относится.

– Имеешь в виду, что у любого человека есть какие-то свои привязанности?

– Ну да. Например, мать, жена, дочь, сестра, тетка, племянница или хотя бы кузина. То же самое относится и к мужчинам. Невозможно жить среди людей и не иметь совсем никаких обязанностей. Страшно подумать, какая это обуза!

– Как тебя зовут? – поинтересовался Пенстивен.

– Барбара Чужачка-Стилл.

– То есть Барбара Стилл? – с усмешкой переспросил Пенстивен.

– Можешь называть меня так, – разрешила она. – Я тоже пока еще сама за себя.

– Но зато утверждаешь, будто ты единственный свободный человек на всем белом свете, – напомнил он.

– Так и есть!

– Может, все-таки объяснишь поподробнее, если можно?

– Разумеется, можно. Если, конечно, ты сможешь уловить мою мысль. Идея такова. Когда девочка еще совсем маленькая – гораздо младше меня, – она всегда от кого-то зависит. Потом она вырастает и влюбляется, а влюбленная девица подобна мухе, попавшей в патоку. Сначала муха думает, что жизнь прекрасна, но потом, увязнув по уши, в конце концов погибает, объевшись сладкого. Я уже вышла из детского возраста, но пока еще не влюбилась; родственников у меня нет, я ни от кого не завишу, и никто не зависит от меня. Так что я самый свободный человек на свете.

– На словах, – заметил Пенстивен.

– На самом деле, будь уверен! – заверила она.

– А где ты живешь?

– Недалеко отсюда, за лесом. Вместе с мачехой.

– Ага, выходит, родственники у тебя все-таки есть, – поддел он ее.

– Некоторые мачехи порой могут сойти за родню, – серьезно ответила девушка, – но это не мой случай.

Глава 5

С минуту Пенстивен задумчиво глядел на свою новую знакомую, затем снова опустился на пенек, сложил руки на груди и пронаблюдал за тем, как она скрылась за стволом дерева, с которого спрыгнула и из-за которого вскоре снова появилась с винчестером под мышкой.

Девушка шла через полянку, направляясь обратно к нему, когда что-то привлекло ее внимание. Она тотчас замерла на месте и грациозно приподнялась на цыпочках, без труда удерживая равновесие. Затем подошла и села на камень неподалеку.

Одета она была очень бедно – заплата на заплате. Но от его внимания не ускользнуло, что одежда ее была очень чистой, судя по всему недавно выстиранной. От частой стирки некогда синяя джинсовая ткань смялась и полиняла, превратив ковбойские брюки в обыкновенные штаны неопределенного цвета. Кое-где на них были заметны так и не отстиравшиеся до конца пятна.

Судя по всему, девушка была подвержена влиянию солнца, ветров и прочих превратностей погоды ничуть не меньше, чем любой пасущийся на воле бычок. Кончики ее темных ресниц выгорели на солнце, и то же самое произошло со ставшими совсем белесыми бровями. Торчавшие во все стороны волосы были местами темно-русыми, а частично цвета дорожной пыли. Кожу ее покрывал темный загар, необычайно ровный, проникший даже в мелкие морщинки, появляющиеся вокруг глаз у тех людей, кому часто приходится щуриться на ярком свету. Наверное, по этой же причине она приобрела привычку то и дело хмуриться и морщить лоб. Барбара сидела по-мужски закинув ногу на ногу, обхватив ладонями колено и смотрела Пенстивену прямо в глаза.

– Я понимаю, что ты хотела сказать, – продолжил он разговор. – Но коль скоро тебе не повезло со злой мачехой, о какой свободе может идти речь? Должно быть, дома тобой постоянно помыкают и не дают прохода?

– Помыкают и не дают прохода? – воскликнула девушка. – Мной помыкают? – Она рассмеялась. – Вот что я тебе скажу, Чужак, слушай и запоминай. Рискни она хоть раз косо взглянуть на меня, я вышвырнула бы ее в окно или, принимая во внимание габариты ее туши, выперла через дверь и впредь не пустила бы даже на порог, став в доме единоличной хозяйкой. И она это прекрасно знает. Не думай, эта женщина вовсе не похожа на злую мачеху из сказки. Она сдает комнаты в нашем доме, чтобы хоть как-то заработать на жизнь. Но мне она не указ. Правда, раза два как-то пыталась мною покомандовать, но из этого ничего не получилось. Так что если ей снова вздумается помериться со мной силами, то на нее никто и ломаного гроша не поставит.

– Но ведь ты живешь с ней под одной крышей, так? – уточнил он.

– А что в этом такого? – удивилась девушка. – Меня это вполне устраивает, тем более что у меня есть законное право там оставаться. По завещанию отца половина дома принадлежит мне. Так что никаких проблем! Я не обязана стелить кровати, мести пол, стирать и готовить. Правда, иногда я помогаю накрывать на стол. А иногда – нет. Короче, живу в свое удовольствие, потому что люблю свободу.

– Может, это не совсем справедливо по отношению к твоей мачехе? – предположил Пенстивен.

– Я хожу на охоту. И еще ловлю рыбу, – возразила она. – Мне это не в тягость, да и к тому же не приходится покупать мясо в лавке. В доме всегда полно постояльцев, а мужчины любят оленину и форель. Так что, как видишь, у нас с ней все по-честному.

– Вообще-то да, – согласился он. – Но уж если говорить о свободе, то, на мой взгляд, у тебя ее не больше, чем у любого юноши твоего возраста.

– А ты протри глаза, – посоветовала Барбара. – Это же ясно как Божий день. Во-первых, у молодого человека моего возраста обычно есть пара предков – отец и мать, которые постоянно изводят его своими нравоучениями, суют нос в его дела. Во-вторых, даже если это и не так, ему все равно приходится задумываться о своей дальнейшей карьере, обзаводиться собственным стадом, учиться управляться с лассо и метко стрелять, чтобы быть всегда готовым к проискам возможных врагов и недоброжелателей. – Тут она кивнула, посмотрев на него, затем договорила: – Что же касается девиц моего возраста, то они все время влюбляются. Это же просто какая-то напасть! Увлекаются то одним парнем, то другим. Любовь разбивает их сердца или заставляет трепетать в ожидании счастья. Глядеть на это тошно. Да ты и сам все прекрасно знаешь!

– Вообще-то я никогда не пользовался особым успехом у девушек, – признался Пенстивен. – И, полагаю, ты тоже, наверное, не стала бы тратить на меня время, а? – Он улыбнулся.

– Нет, разумеется, я знаю, что рано или поздно мне тоже придется полюбить, – вздохнула Барбара, игнорируя его вопрос. – И тут ничего не поделаешь, потому что это так же неотвратимо, как смерть или зима. Рано или поздно такое случается со всеми. Так что придет время, когда в наших краях объявится какой-

нибудь заезжий, умудренный жизнью ковбой или даже парень из местных, который поманит меня пальцем, а я соберу вещички и буду готова пойти за ним хоть на край света. Но пока что этого не произошло. Я просто живу и радуюсь жизни, а время идет своим чередом.

– Звучит заманчиво, – заметил он. – Удивительно, что другие люди не пытаются последовать твоему примеру.

– Просто им не везет так, как мне. Может, недостает меткости при стрельбе из винтовки, или же у них совершенно другой жизненный расклад, – предположила она. – Существует много причин, из-за которых другим девушкам так никогда и не удается стать по-настоящему свободными. Честно говоря, иногда мне даже кажется, что свобода им попросту не нужна. Они рождаются совсем ручными, словно домашние утки, которые живут в сарае. Им не дано сняться с места и улететь куда-нибудь в далекие края в погоне за вечным летом. А мне именно этого и хочется больше всего в жизни. Слушай, Чужак, что это я все болтаю, а ты все больше отмалчиваешься?

– Это потому что я профессиональный слушатель, – улыбнулся Пенстивен. – Насчет меня не беспокойся. Я никому не проболтаюсь.

– Считаешь себя благородным героем, да?

– Не знаю, – пожал плечами юноша. – Никогда об этом не задумывался.

– Обостренное чувство долга, да? – продолжала допытываться девушка. – Разве не оно преследует тебя в жизни и в конце концов ты оказываешься загнанным в ловушку?

– В некотором роде, – уклончиво ответил он.

Девушка понимающе покачала головой. Взгляд ее темно-голубых глаз был по-прежнему дерзок, но теперь в нем промелькнула тень сострадания.

– Да уж, на слове тебя не подловишь, – заключила она. – Ты что-то задумал, а если мужчина что-то задумал, то допытываться у него об этом все равно что глядеть в омут – все равно ничего не разберешь.

– Вот как? – изумился Пенстивен. – У меня нет никаких тайн. Я самый обычный парень.

Она упрямо покачала головой и возразила:

– Никто из обычных парней не может палить из револьвера так, как ты, Чужак. Я перевидела многих хороших стрелков, но все они тебе в подметки не годятся.

– Рад, что тебе понравилось, – сдержанно заметил он.

– Мне не понравилось! – взорвалась она. – Ненавижу убиц и убийства! Вот и все.

– А я-то тут при чем? – Он постарался изобразить на лице неподдельное удивление.

– Ты ступил на тропу войны, – уверенно заявила она. – Я это сразу поняла. Но беда в том, что ты можешь преследовать какого-то одного человека и попутно отправить на тот свет еще дюжину. Ты слишком хорошо владеешь кольтом, чтобы время от времени не постреливать из него.

– Будем надеяться, что это не так, – проговорил Пенстивен.

– Вместо того чтобы просто надеяться, лучше поскорее начать молиться, – посоветовала она. – Такие ребята, как ты, редко доживают до старости и заканчивают жизнь с дивным веревочным ожерельем, затянутым на шее.

– Что-то не вполне тебя понимаю…

– А тут и понимать нечего! – огрызнулась Барбара. – Я и так уже наговорила слишком много и, наверное, могла бы сказать еще что-нибудь.

– Мне нравится тебя слушать, – признался он. – Так объясни, почему я, по-твоему, в скором времени должен попасть на виселицу?

– А потому, что ты ничего не боишься. Когда я спустилась с дерева, откуда до этого следила за тобой, любой другой на твоем месте испугался бы. Ты же даже не пошевелился. Спрыгнув вниз, я повнимательней присмотрелась к тебе, но

твой взгляд был спокоен, словно стоячая вода.

– И это означает, что я обречен совершить убийство?

– Да, – подтвердила она. – Ты не боишься, потому что уверен в себе и в тех пистолетах, что у тебя в руках. Мне уже приходилось видеть такое же выражение на лицах других парней. Хорошие были ребята, но только почему-то все они умерли молодыми. Я желаю тебе удачи, Чужак, но было бы неплохо, если бы тебе хоть кто-нибудь набил морду. А то слишком уж ты спесивый, как я погляжу!

В ответ он улыбнулся и кивнул:

– Что ж, пожалуй, неплохой совет.

– Ладно, мне пора, – объявила девушка. – Прощай, Чужак!

– А тебе в какую сторону?

– Обратно в город.

– И мне туда же.

– Тогда идем.

Они пошли рядом. Она ступала, словно молодая лань, то и дело настороженно озираясь по сторонам, зорко наблюдая за происходящим вокруг. Ни одна тень, промелькнувшая среди деревьев, ни один опавший листок не оставался ею незамеченным. Он же просто шагал, то и дело спотыкаясь.

– Перестань таращиться на меня и смотри, куда идешь, – сердито бросила девушка. – Под ноги надо глядеть! – Затем остановилась, сурово уставилась на него и, подбоченясь, с явным раздражением приказала: – Перестань дурить!

– Честно говоря, я уже испытываю к тебе некоторую слабость, – признался Пенстивен, – но голову пока еще не потерял.

– Я иду другой дорогой, – объявила девушка. – Слушай, чего я такого сделала, что ты пялишься на меня глазами влюбленного теленка? Отвечай!

– Не знаю, – промямлил он. – Это довольно странное ощущение.

– И что же ты чувствуешь? – поинтересовалась она. Этот разговор ей был явно не по душе, но любопытство все-таки взяло верх.

– Словами не описать. Это где-то вот здесь, внутри тебя, – объяснил он, показывая пальцем на грудь.

– Правда? Ну да, наверное. Что-то вроде морской болезни, так?

– Ага, вроде этого.

Барбара понимающе закивала, а вслух заметила:

– Должно быть, это жутко противно.

– Вообще-то да, – согласился Пенстивен. – Но пока что все еще не так безнадежно. Думаю, к обеду пройдет само собой. К тому же утро – самое счастливое время дня. Потому что мозг, как правило, не успевает проснуться окончательно.

– Ты говоришь толковые вещи, – похвалила девушка. – И как долго собираешься оставаться в наших краях?

– Не знаю. Может, задержусь еще на денек-другой.

Она задрала голову и внимательно посмотрела на вершины деревьев, как если бы заметила там белку, затем одобрила:

– Что ж, и правильно. Довольно глупо тратить время на дурацкие сантименты. Останемся просто друзьями.

– Мне тоже жаль, что так получилось, – признался он. – Очень не хотелось бы отвлекаться на мысли о девчонках. У меня других забот полно.

Она опять кивнула:

– Это уже совсем другой разговор. Надеюсь, ты скоро избавишься от этой напасти.

– Запросто, – пообещал он.

– А раньше тебе доводилось испытывать подобное дурацкое чувство? – небрежно полюбопытствовала девушка.

– Вообще-то да. Знаешь, ведь мужчины в каком-то смысле дураки. Стоит только женщине улыбнуться, встретиться с мужчиной взглядом, заговорить как-то, как ему кажется, по-особенному, и его тут же начинает преследовать ее навязчивый образ. Но лично меня, к счастью, сия чаша миновала. Моя голова была занята совершенно другим. Так что ни одной женщине не удастся испортить мне жизнь.

Она протянула ему руку.

– Ты хороший парень. Молодец. Ты мне нравишься. Жаль только, что нет возможности доказать это в деле, не причиняя ущерба твоим чувствам. Прощай! И послушай моего совета, убери эти свои пушки подальше, иначе сам же потом хлопот не оберешься. Я знаю, что говорю, всякое пришлось повидать. Человек, проливающий кровь других, никогда не бывает счастлив – если, конечно, он нормальный человек, а не бесчувственная скотина. Если ты силен, как буйвол, то совсем необязательно проводить остаток своих дней, взбираясь на гору и волоча при этом на себе тяжеленную ношу. Почему бы не выбрать путь попроще? Чувство долга, вынуждающее искать неприятности на свою голову, не может быть праведным.

Пожав ему руку, она направилась в заросли, потом обернулась, помахала на прощанье и вскоре скрылась за деревьями.

Глава 6

Весь остаток утра Пенстивен проходил мрачным, чувствуя в душе неясную тревогу. Позднее, во время обеда, сидя в гостиничной столовой, он услышал доносившийся с улицы мелодичный голосок проходившей мимо девушки и едва удержался, чтобы не вскочить с места, не броситься к окну.

Юноша пытался убедить самого себя, что все дело в страхе, – это боязнь предстоящего поединка со Стю Картером леденит его душу и заставляет сердце гулко колотиться в груди. Однако вскоре вынужден был признать, что ни до одного из братьев Картеров ему нет ровным счетом никакого дела. Перед глазами стояла та поляна в лесной глуши, где шумят сосны, а в воздухе терпко пахнет смолой и хвоей.

Все это время он думал о Барбаре Стилл, снова и снова вспоминая ее голос, лицо, открытый и по-мальчишески дерзкий взгляд. Каким-то непостижимым образом благодаря именно ему она казалась еще более женственной. Будучи не в силах разобраться в собственных чувствах, Пенстивен начинал раздражаться и злиться.

Он почти не кривил душой, сравнив свои ощущения с морской болезнью и тоской по родным местам. Но помимо этого его грудь переполняла безотчетная радость, а еще отчего-то было немного грустно. Он уже был готов искренне пожалеть, что вообще встретился с ней, и в то же время сознавал, что не променял бы минуты этого мимолетного свидания ни на какие другие воспоминания.

Покончив с обедом, юноша с радостью покинул тесное помещение и вышел на улицу, залитую ослепительным светом палящего солнца, втайне надеясь, что это поможет ему отрешиться от навязчивых видений. Так оно и вышло. Горячие лучи вмиг заставили забыть обо всем и сосредоточиться на раскаленном пекле улицы. День выдался на редкость жарким. Пот ручьями струился по его лицу, но ему это даже нравилось. Зной помогал избавиться от сердечной боли.

Когда же льдинка в душе, как ему показалось, растаяла окончательно, он отправился на другой конец улицы и вошел в салун «Элбоу-Рум», где сел за столик в дальнем углу и не торопясь выпил кружку пива.

Джерри, хозяин заведения, подошел, остановился возле него и принялся по привычке протирать крышку стола полотенцем, как обычно полировал стойку бара.

– Извини за вчерашнее. За эти дурацкие подначки, – произнес он. – Это все из-за меня. Я думал, ты просто новичок, заезжий неумеха. Конечно, может, ты и впервые оказался в наших краях, но ты настоящий мужчина. А мне теперь только и остается надеяться, что ни с тобой, ни со Стю Картером ничего не случится. Он неплохой парень.

– Не имею ничего против него, – ответил Пенстивен. – Я пришел сюда лишь потому, что он попросил об этом.

– Так еще же рано.

Пенстивен проницательно посмотрел в лицо бармена:

– Я подумал, что у него могут спешить часы.

Джерри вздохнул и констатировал:

– Ну и рисковый же ты парень! Доведись мне оказаться на твоем месте, так я бы дрожал как осиновый лист и лез на стенку от страха.

– Если бы у тебя была такая подготовка, как у меня, никуда бы ты не делся, – отмахнулся юноша. – Я же не какой-то там любитель. Я – профессионал. И хотя мне никогда прежде и не приходилось никого убивать, я достаточно натренирован и в совершенстве владею этим искусством.

Бармен снова вздохнул:

– Это все из-за меня. Я вовремя не вмешался и не остановил вас. Наоборот, лишь подлил масла в огонь, как последний дурак. Какой же я идиот!

Он направился обратно к стойке, но задержался, чтобы сказать:

– До прихода Картера еще целый час. Но может, он узнает, что ты уже здесь, и примчится пораньше. Учти, Чужак, Стю… Стю одинаково хорошо стреляет с обеих рук. Это всем известно, так что, предупредив тебя об этом, я не выдаю никакого секрета.

– Спасибо, – поблагодарил Пенстивен. – Никогда бы так не подумал.

Он продолжал потягивать пиво, когда через черный ход в салун вошел высокий человек с болезненным лицом и уныло опущенными плечами.

Бросив взгляд в сторону Пенстивена, он подошел к бару и тихонько свистнул, привлекая внимание Джерри. Потом юноша услышал воркующий голос бармена, в котором звучали на редкость подобострастные интонации.

– Будьте уверены. Сюда никто не войдет.

Затем мужчина приблизился к столику Пенстивена. С лица его не сходила улыбка, но была она какой-то вымученной, страдальческой. На щеке его под правым глазом красовалась большая темная бородавка.

– Я – Док Шор, – объявил высокий человек. – У меня есть к тебе разговор, Чужак.

– Присаживайтесь, – предложил Пенстивен. – Желаете что-нибудь?

– Меня вполне устроит возможность немного с тобой побеседовать, – отозвался Док Шор, опуская тощий зад на ближайший стул. – Я пришел поговорить с тобой, потому что ты молод, дерзок, умеешь стрелять и к тому же в гостинице поговаривают, будто не собираешься здесь надолго задерживаться. Это так?

– Так, – подтвердил юноша.

– У меня есть для тебя работа.

– Что за работа?

– Делать то, что скажут.

– Вообще-то наездник из меня не слишком хороший, – признался Пенстивен. – В том смысле, что норовистого мустанга я не объезжу; но если речь идет о простых лошадях – нет проблем. С лассо я тоже немного умею управляться. Но скажу честно, на ранчо мне никогда прежде работать не приходилось.

– А при чем тут ранчо?

– Если вы имеете в виду рудник, то там я тоже не работал, – продолжил парень. – Хотя, возможно, этому нетрудно научиться.

– В городе полно погонщиков скота и рудокопов, готовых взяться за любую работу, – сказал Док Шор. – Я же хочу предложить тебе совсем другое дельце.

– Что еще за дельце?

– Десять долларов в день плюс издержки.

Пенстивен пристально посмотрел на Шора, и тот выдержал этот взгляд.

– Ну так как?

Молодой человек неопределенно пожал плечами. Предложение некоторым образом могло совпадать с его собственными планами.

– Даже и не знаю, – протянул он. – А что делать-то?

– Ничего особенного: держать язык за зубами, не зевать по сторонам и делать, что велят. Для начала нужно будет сесть на коня и кое-куда съездить. Возможно, придется также немного пострелять.

– И когда вы хотите, чтобы я начал?

– Прямо сейчас.

– Через час у меня здесь назначена встреча. Пожалуй, после нее я бы и согласился поработать на вас.

– Нет, сейчас или никогда. Решай!

– Тогда я лучше откажусь.

Шор пожал плечами:

– Тебе так не терпится убить Картера?

– Нет. Я этого вовсе не хочу. Но все-таки мне хочется узнать, каково это, увидеть направленное на тебя дуло пистолета, кроме того, я уже пообещал ему, что приду. Так что просто так взять и убежать не могу. Даже за двадцать раз по десять долларов в день.

Док Шор испытующе уставился на юношу. С лица его не сходила прежняя болезненная улыбка.

– Тогда вот что, – объявил он в конце концов. – Мы с Картером давние друзья. Если ты уедешь отсюда, он тоже не придет.

– Тоже не придет? – изумленно повторил Пенстивен. – Он же никогда не отступает. К тому же, как я слышал, очень дорожит своей репутацией. А кроме того, я…

– Картер, – медленно проговорил Шор, – предпочтет дружбу со мной всей своей дурацкой репутации.

– И тогда нас обоих станут презирать за это соглашательство, за то, что мы не стали стреляться, – угрюмо пробормотал Пенстивен.

– Весь город будет знать, что я этому поспособствовал, – заверил Шор. – Так что вина падет на меня. Тем более, что Джерри уже знает о моем посредничестве.

– А кто вы такой? – полюбопытствовал Пенстивен.

– Скоро узнаешь.

Юноша почувствовал, что в душе у него зарождается радостное волнение.

– Незнакомый человек, неведомая работа, десять долларов в день, – перечислил он. – Что ж, неплохо. Я согласен. Но учтите, если вы меня обманываете, а Картер объявится… – Он осекся, выпятив подбородок.

– Я вру лишь в случае крайней необходимости, – объявил Шор. – Он сюда не придет. А теперь пошли со мной. Нам надо подобрать тебе коня.

Глава 7

Торговец лошадьми проживал на южной окраине Маркэма, к нему они и направились. Встали у забора и стали смотреть на разномастных лошадей, собранных в одном загоне. Там были и изящно выгибающие шеи длинноногие красавцы скакуны, и самые обыкновенные мустанги.

– Так какого коня ты бы выбрал для себя? – поинтересовался Шор.

– А далеко ехать? – вопросом на вопрос ответил молодой человек.

– Сейчас три часа. Завтра к этому времени ты должен будешь проехать около сотни миль. Путь неблизкий! В дороге тебе придется менять лошадей. Так все же какого коня ты взял бы для начала?

– Я не разбираюсь в лошадях, – признался Пенстивен. – Дайте мне такую, чтобы была выносливой, не норовистой, с ровным шагом.

– Тогда как насчет вон того вороного?

– Я слышал, что вороные намного хуже переносят жару, чем лошади более светлых мастей. К тому же он кажется беспокойным.

Док Шор улыбнулся, и на сей раз его улыбка получилась несколько шире, чем раньше.

– Может, в лошадях ты и не разбираешься, но кое-что соображаешь, – похвалил он парня. – Тогда я на мое усмотрение подберу тебе что-нибудь подходящее.

Его выбор пал на средней величины чалого мустанга с большой головой, несколько покатой спиной и маленькими злыми глазками, налитыми кровью. Док Шор тут же расплатился с торговцем, купив заодно седло, потник и уздечку. Потом вывел коня из загона и передал повод Пенстивену.

– Мне нужно заскочить в гостиницу и взять кое-какие вещи, – сказал молодой человек.

– Поедешь налегке, – распорядился Шор. – Из вещей можешь прихватить только дождевик. И все. Пойми, в таком путешествии каждый лишний фунт поклажи резко уменьшает и твои, и наши шансы на успех! – Он вынул из кармана бумажник и принялся отсчитывать зеленые купюры. – Вот твое жалованье за месяц вперед. Еще сотня на текущие расходы. И двести долларов сверху, потому что, когда будешь в пути менять лошадей, возможно, тебе придется и приплатить. В дороге постарайся приноровиться к этому мустангу. Возьми на заметку его достоинства, а при смене коня лучше подбирать что-нибудь похожее. Будь осторожен, такой и лягнуть способен, но не бойся – не съест. Конь, конечно, норовистый, да только побрыкается и перестанет. – Он немного помолчал, затем нервно кашлянул и спросил: – Слышал когда-нибудь о Сан-Хасинто? Это в двадцати пяти милях к югу отсюда, на реке.

– Нет.

– Дороги туда нет, – пояснил Шор. – Но, если будешь держать путь строго на юг, попадешь точно по назначению. В Сан-Хасинто разыщешь человека по имени Хуан Оньяте. Но вполне возможно, что тебе и не удастся найти никого, кто отзывался бы на это имя. В таком случае разыщи мужчину косого на правый глаз – когда он смотрит прямо, то кажется, будто все пытается заглянуть куда-то за угол. Как найдешь его, отдашь ему вот это. – С этими словами он достал из кармана коротенькую прозрачную трубочку из полого стержня гусиного пера, оба конца которой были запечатаны, а вовнутрь вложен миниатюрный свиток узкой бумажной полоски, и добавил: – Он даст тебе дальнейшие указания.

– А что, если его вдруг не окажется в городе?

– Маловероятно. Но если его там и не будет, разузнай, где он, и отыщи. И имей в виду, Чужак, мы платим тебе в десять раз больше, чем зарабатывает на пастбище погонщик скота, потому что рассчитываем, что ты раз в десять лучше любого из них справишься с этой работой. К тому же у тебя теперь есть конь и шестьсот долларов наличными, но это лишь начало. Мы доверяем тебе деньги в расчете на твою сообразительность. Полагаю, оба твоих револьвера всегда при тебе? А винтовка у тебя есть?

– Нет.

– Тогда я сейчас схожу за ней и скоро вернусь. А ты тем временем попробуй погарцевать на своем чалом.

Пенстивен покорно сел в седло и тут же об этом пожалел, ибо в тот же момент мустанг пулей сорвался с места, попутно взвился на дыбы и сбросил его с себя.

Ему удалось не выпустить из рук поводья, однако чалый продолжал нестись вперед и протащил всадника еще несколько ярдов по земле, прежде чем тот сумел кое-как подняться на ноги и затормозить.

Юноша снова сел в седло. Несколько зевак, торговец лошадьми и работавший на него конюх стояли поодаль и веселились от души, наблюдая за происходящим.

На этот раз Пенстивену пришлось поучаствовать в скачках с препятствиями, но в седле он удержался. В былые времена ему довелось немало поездить верхом, так что Боб знал цену равновесию и прочной посадке. А теперь лишний раз убедился, что при каждом взбрыкивании коня вовсе не обязательно вылетать из седла.

Внезапно мустанг снова взвился на дыбы, затем с размаху опустился на передние ноги и низко припал к земле. Толчок был таким сильным и неожиданным, что Пенстивен опять не удержался в седле.

У него кружилась голова, на душе было тошно, но он поднялся и вновь оседлал коня, после чего импровизированное родео немедленно повторилось, однако теперь юноша уже знал, как сохранить равновесие, откидываясь всем корпусом назад, перенося вес на стремена. Так что и через это испытание прошел вполне достойно.

Но чалый, очевидно, сообразив, что его уловка благополучно раскрыта, принялся неистово кружить на месте, да так, что перед глазами Пенстивена все поплыло. Не помня себя от ярости, он выхватил кнут и принялся ожесточенно хлестать подлого мустанга по крупу и бокам.

К его огромному удивлению, конь остановился и замер на месте как вкопанный, прядя длинными ушами, постепенно отводя их вперед. Затем несколько раз кивнул, закусывая удила, и Пенстивен позволил ему это сделать. Он был доволен. Бросив беглый взгляд в сторону, увидел, что ни торговец, ни слонявшиеся у загона без дела ротозеи больше не смеются. Мустанг же стоял смирно и был кроток, будто ягненок!

Юноша проехал на нем немного вперед, затем развернулся и проехал обратно. Чалый смиренно повиновался воле всадника, у которого даже появилась возможность как следует отряхнуться от дорожной пыли. А к тому времени, как он закончил приводить в порядок костюм, вернулся Шор с винтовкой под мышкой, которую тут же и сунул в седельную кобуру, находившуюся у правой ноги Пенстивена.

– Ну как конь? – поинтересовался он. – Похоже, ты уже успел проскакать на нем галопом и хорошенько разогреть?

Пенстивен задумчиво поглядел на Шора, и ему показалось, что тот смотрит на него не без ехидства.

– Мы пока только знакомились, – ответил Боб.

– Ну вот и славно, – одобрил Шор, засовывая в седельную сумку мешочек с патронами. – Что ж, Чужак, тебе пора. Удачи! И помни, – добавил он, понизив голос и делая несколько шагов рядом с Пенстивеном, который уже собрался отъезжать, – помни, любой человек, встретившийся в пути, может быть подослан специально для того, чтобы тебя остановить. Помни об этом, иначе не успеешь и глазом моргнуть, как окажешься в придорожной канаве с перерезанным горлом. Если тебя поймают, проглоти послание: если его найдут, то тебя наверняка убьют, а если найдут послание, но оставят в живых – я тебя из-под земли достану, чтобы с тобой разделаться!

Он отчеканил последнюю фразу и хищно щелкнул зубами. Затем остановился и махнул рукой, а юный Пенстивен пришпорил коня, пустил его легким галопом и выехал на тропу, уводящую в просторы каменистой пустыни.

Впрочем, никакой тропы в общем-то не было. Лишь на подъездах к городу небольшой участок дороги казался наезженным, но вскоре одиночные следы начинали расходиться во все стороны, подобно волоскам на конце растрепавшейся косы. И повсюду, куда ни кинешь взгляд, расстилалась широкая ладонь пустыни, и не было на ней заметно ни одной линии, по которой можно было бы предсказать судьбу.

Стояла невыносимая жара. Пенстивен ехал сквозь туман, из-за которого на горизонте виднелись лишь самые вершины далеких гор, а лиловая дымка, что колыхалась в воздухе между ним и далеким полукругом, где небо сходилось с землей, совершенно не защищала от прямых лучей палящего солнца. Казалось, они впивались в него снопами ослепительно белых, раскаленных стрел и обжигали. Он даже пожалел, что в основном тренировался в местах с куда более мягким климатом. Здесь же от удушающей жары можно было запросто сойти с ума.

Юноша не догадался захватить с собой флягу с водой, да и Шор об этом ни словом не обмолвился, а уж он-то должен был бы обратить его внимание на столь жизненно необходимую вещь.

Боб стиснул зубы. Он начал подозревать, что его работодатель с самого начала знал о крутом норове чалого мустанга, как и о том, что даже час, проведенный в пустыне без глотка воды, может обернуться настоящей пыткой. Разве этот человек не испытывал его, решив посмотреть, сумеет ли Пенстивен пройти сквозь такое пекло? Такое объяснение представлялось наиболее разумным.

Но в конце концов, какие такие заботы они могут возложить на его плечи, какие опасности и великие свершения могут его ожидать? И вообще, кто они такие? Этот вопрос занимал юношу больше всего.

Так или иначе, но в конечном итоге ему необходимо выйти на Джона Крисмаса, а в душе он нисколько не сомневался, что Шор – один из подручных известного бандита.

Пенстивен слышал, каким образом Джону Крисмасу удается повсеместно распространять свое влияние, – ходили упорные слухи, что он якобы подкупает нужных ему людей на местах, чтобы те были всегда готовы выполнить любой его приказ. Бандит щедро тратит деньги, давая ворам возможность вволю попрактиковаться и отточить мастерство, что в конце концов приумножает его капиталы. Действуя через своих агентов, он то и дело организовывает грабежи, и золото льется к нему рекой. Однако самого Джона Крисмаса при этом практически никто в глаза не видел. Ему приписывали все самые дерзкие преступления, происходившие в приграничных районах, но сам он показывался крайне редко, подобно тому, как солнце порой проглядывает сквозь золотистые облака – светит ярко, да недоступно взору.

Пенстивен поставил перед собой задачу во что бы то ни стало добраться до Джона Крисмаса, а уж там… при одной только мысли об этом он стиснул зубы и тяжело задышал.

Юноша ехал дальше, направляя коня строго на юг. В горле у него пересохло, язык распух и не помещался во рту. К счастью, вскоре ему попался минеральный источник. Вода в нем оказалась солоноватой и горькой на вкус, однако Пенстивен не обратил на это никакого внимания, обрадовавшись возможности утолить мучительную жажду. Опустившись на колени, он наклонился, чтобы зачерпнуть ладонями воды, и в этот момент заметил на водной глади неясное отражение вооруженного человека, поднимающегося из-за куста меските за его спиной!

Глава 8

Кроме как за жиденькими ветвями меските, спрятаться у источника было решительно негде. Однако поблизости не было видно ни лошади, ни какого-либо другого животного, на котором человек мог заехать в такую даль. Он словно вырос из-под земли!

Боб Пенстивен наклонился еще ниже, сунул мокрую ладонь правой руки за пазуху и вытащил длинноствольный кольт. Затем, бросив беглый взгляд через плечо, мгновенно выстрелил из-под руки.

Это был довольно сложный трюк, так как позиция, в которой он находился, не давала возможности прицелиться. Однако в свое время именно этому – стрельбе из самого невыгодного положения для обороняющегося человека, когда тот находится на четвереньках, – он с особым усердием отдал многие часы тренировок.

Его пуля прошила правую руку незнакомца от запястья до локтя! Тот выпустил из нее приклад винтовки, продолжая удерживать ствол левой рукой.

Поднявшись, Пенстивен разглядел серого от пыли человека, злобное лицо которого обрамляли всклокоченные сальные патлы. На вид ему было никак не меньше шестидесяти лет. Наряд его состоял из живописных лохмотьев. На ногах – мексиканские сандалии. Сквозь прорехи на штанах были видны тощие загорелые ноги. Но, несмотря на довольно смуглую кожу и жалкие обноски, глаза у него были прозрачно-голубого цвета, как у белого человека.

Незнакомец замер на месте, не сводя глаз с Пенстивена. Тот подошел к нему, взял винтовку и откинул ее в сторону, а затем промыл и перевязал длинный кровоточащий желобок, оставленный пулей.

За все это время никто из них не произнес ни слова.

Но после того как перевязка была окончена, для чего в ход пришлось пустить кое-что из лохмотьев старика, Пенстивен все-таки сказал:

– Тебе нужно поскорее добраться до города и там показать руку доктору. Рану нужно промыть и хорошо обработать.

– Наверное, я просто дурак, – процедил сквозь зубы раненый. – Нужно было пальнуть тебе в спину – и дело с концом. Так нет, мне этого показалось мало. Я слышал, что ты умеешь вытворять разные штучки, и подумал, что будет лучше выстрелить тебе в голову, чтоб уж наверняка. Вот дурак! Забыл, что от добра добра не ищут!

– Да уж, незадача, – пробормотал Пенстивен.

– Ага, и для тебя это тоже в некотором смысле хуже. Потому что тебя все равно остановят. Меня поставили здесь, так сказать, для затравки. Через меня ты перешагнул. Теперь попробуй справиться с остальными. А уж они дожидаются тебя, можешь не сомневаться!

– Кто ты? – спросил Пенстивен.

– Просто старый дурак. Ничего интересного. Рассказами о бесшабашной юности, хорошей семье и тому подобной ерунде нынче никого не удивишь. Так что я просто горький пьяница. Вот тебе и весь сказ.

Но Пенстивен видел, что годы разгульной жизни совершенно не затуманили голубых глаз, оставшихся ясными и открытыми.

– Так говоришь, «они» собираются меня остановить? А кто они такие? – задал он следующий вопрос.

Оборванец лишь усмехнулся, обнажив поломанные остатки желтых зубов.

– Их много, – сообщил он.

– Но мне это ни о чем не говорит, – продолжал упорствовать Пенстивен.

– Правда? Большего ты от меня все равно не добьешься.

– Послушай, – не унимался Пенстивен, – думаю, в некотором роде ты все-таки мой должник. Любой другой на моем месте не стал бы долго раздумывать и просто всадил бы пулю тебе в лоб.

– Ага, – согласился старик. – Я должен отблагодарить тебя за то, что ты сохранил мне жизнь. Могу даже выплатить наличными ее полную стоимость. Целых пять центов. Держи! – С этими словами он протянул ему открытую ладонь, на которой поблескивала монетка. Пенстивен улыбнулся, а оборванец тем временем продолжил: – Я вовсе не против поговорить с тобой, сынок. Ты кажешься неплохим парнем. Но только если я не удержусь и проболтаюсь, они обязательно об этом узнают. Не думай, меня за это не расстреляют. Придумают что-нибудь поизощреннее. – И он поежился, словно в спину ему подул холодный ветер.

– Значит, ты не можешь сказать ни слова, чтобы мне помочь? – уточнил Пенстивен.

– Ни единого. Я и так уже слишком много сказал. Но ты еще так молод…

– И как думаешь выбираться отсюда? – поинтересовался Пенстивен.

– Тем же путем, каким и пришел.

– Ясно. Заставить тебя говорить я не могу. Но твоя рана сильно кровоточит, может, тебе помочь добраться до города?

Старик растерянно захлопал глазами.

– И ты что, всегда так печешься о тех, кто пытается тебя грохнуть? – полюбопытствовал он.

– Я в этих делах человек пока еще неискушенный, – просто признался Пенстивен.

Оборванец вскинул брови:

– Ну да, так я и поверил! Особенно тому, что фокус, который ты проделал со мной, был простым везением. Знаешь, сынок, я, конечно, старый пьяница и прощелыга, но не идиот.

Юноша поднял валявшуюся на земле винтовку и сказал:

– Я возьму это с собой и оставлю примерно в четверти мили к югу отсюда. Если хочешь, можешь подобрать ее там.

– Спасибо, – поблагодарил старик. – Ты очень добр ко мне. За эту винтовку мне пришлось отдать отцовский дом, свою долю пашни, одежду, сапоги и коня вместе со сбруей. Это мой самый верный друг, моя честь, моя жизнь – все вместе. Без нее мне не жить!

Боб Пенстивен вскочил в седло.

– Удачи тебе, старина! – крикнул он.

– Да уж, совсем старая развалина, что верно, то верно, – пробормотал бродяга.

Пенстивен продолжил путь на юг. Отъехав примерно ярдов на четыреста, он наклонился, бережно положил на землю винтовку и отправился дальше.

Мысли роились в его голове, не давали покоя. Каким бы важным ни было его поручение, теперь стало ясно, что загадочные «они» уже осведомлены о маршруте его следования.

Очевидно, их система оповещения действовала достаточно оперативно. А иначе как бы им удалось заранее подослать того бродягу, что подкарауливал его у источника?

Так на кого работают эти люди – на Джона Крисмаса или против него? Ему сделалось не по себе от мысли, что, возможно, он лишь понапрасну теряет время, и даже хуже того – возможно, согласившись работать на Шора и тех, кто стоит за ним, он пополнил ряды противников знаменитого бандита, еще более удаляясь от своей долгожданной цели.

Долгие годы Пенстивен изводил себя изнурительными тренировками, и все ради того, чтобы попасть к Джону Крисмасу. Неужели все было зря?

Вопросы роились у него в голове, но, зная, что, по крайней мере, до поры до времени им суждено остаться без ответа, он был полон решимости довести задуманное до конца. Боб провел уже несколько часов в пути и начал снова пришпоривать чалого.

Хотя особой необходимости в том не было. Это оказалось невероятно выносливое животное, что вполне гармонировало с необычайной норовистостью коня, проявленной им вначале. Теперь, вырвавшись наконец-таки на простор, он мчался во весь опор, время от времени переходя на терпеливую рысь в тех местах, где песок был слишком глубоким. Казалось, что мустанг знал о своих возможностях и был готов выложиться весь, без остатка.

Наконец вдалеке замелькали солнечные блики, игравшие на оконных стеклах домов показавшегося на горизонте городка, и Пенстивен был приятно удивлен тем, что ему удалось так точно выдержать нужное направление.

Путь длиной в двадцать пять миль теперь напоминал о себе усталостью, рябью в глазах и болью в затылке – и это при том, что до исхода суток ему необходимо преодолеть еще семьдесят пять миль!

О предстоящем путешествии юноша старался не думать. Необходимо было ограничиться размышлениями о том, что уже сделано. Поэтому, подъезжая к Сан-Хасинто, он сосредоточился на самом насущном.

Его знание испанского языка оказалось как нельзя кстати. Возможно, и ловкость в обращении с оружием тоже сослужит неплохую службу, прежде чем ему удастся уладить дела в этом городке.

Если даже у источника посреди голой пустыни его поджидала вооруженная засада, то чего ожидать от Сан-Хасинто – крошечного городишки, где по улицам шастают толпы народа?

Поэтому Пенстивен ехал, украдкой поглядывая по сторонам, но не поворачивая головы – словно боксер на ринге, который неизменно смотрит четко перед собой, однако всегда готов отразить удар с любой стороны.

Добравшись до центральной площади городка, вдоль улиц которого выстроились домики с побеленными стенами, он остановился перед харчевней, слез с коня и вошел в заведение.

В помещении находились лишь двое – сам хозяин и чумазый завсегдатай, который сидел за крайним столиком, с философским видом обводил затуманенным взглядом пустые места и о чем-то тихо беседовал сам с собой.

Пенстивен заказал пиво и сел у стойки. Пойло оказалось на редкость противным на вкус – едким и резким, с привкусом жженого древесного угля. Ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы не поморщиться. Расплачиваясь с хозяином, Боб сказал:

– Я разыскиваю джентльмена по имени Хуан Оньяте. Вы не знаете, сеньор, где его можно найти?

В это время хозяин заведения раскладывал на полке коробки папирос. Услышав обращенный к нему вопрос, он сначала замер, а затем, не поворачивая головы, буркнул:

– Понятия не имею. У нас в Сан-Хасинто таких нет, – и продолжил как ни в чем не бывало раскладывать пачки с папиросами.

Из одной из них заструился тоненький ручеек табака – она оказалась разорванной.

Глава 9

Пенстивен задумался. Судя по всему, упоминание имени Хуана Оньяте произвело на хозяина харчевни сильное впечатление, а это означает, что разговорить его на эту тему вряд ли удастся. Следовательно, с надеждой достигнуть цели путем расспросов придется распрощаться, тем более что и Шор недвусмысленно дал понять – в Сан-Хасинто они могут ни к чему не привести.

Итак, ему предстоит самостоятельно разыскать нужного человека, но только где, черт возьми, его искать? В окрестных харчевнях или на берегу реки в тени деревьев? А может, рыскать по улицам и переулкам, заглядывая в лицо каждому встречному? Ведь он даже не удосужился поинтересоваться, как выглядит этот Хуан Оньяте, и теперь чувствовал себя законченным дураком, не имея ни малейшего представления, высокий он или же, наоборот, не вышел ростом, толстый или худой, молодой или старый. Было так же непонятно, кого именно следует искать – жалкого уличного побирушку или состоятельного господина? Так что единственное, что оставалось, – это вглядываться в лица попадающихся навстречу мужчин, высматривая среди них косого на правый глаз!

Встав с места, Пенстивен направился к выходу. Задержавшись в дверях, обернулся и учтиво кивнул хозяину, который все это время неподвижно стоял за стойкой с каменным лицом и остановившимся взглядом, словно затаился в

предчувствии опасности.

«Этот плут что-то знает, – отметил про себя Пенстивен. – Нечто такое, что жжет ему руки. Но как, черт побери, мне найти этого Хуана Оньяте, будь он неладен?»

Он медленно брел по улице, раздумывая больше над этой проблемой, чем вглядываясь в лица прохожих в поисках одного-единственного человека, который мог бы избавить его от дальнейших мытарств.

Теперь уже было совершенно ясно, что поиски ни к чему не приведут. День был уже в самом разгаре, обитатели городка начинали готовиться к дневной трапезе, после которой настанет время сиесты – послеобеденного отдыха, помогающего пережить несколько часов нестерпимого зноя.

Расхаживать по городу, врываясь во все дома подряд, Пенстивен не мог, рискуя очень скоро быть утыканным ножами, как дикобраз иголками. Подумав об этом, он тяжело вздохнул.

Пока что ему удалось выявить лишь одно связующее звено с Хуаном Оньяте. Им была харчевня. Все-таки ее хозяин что-то знает. Его осведомленность была столь явной, что даже когда Боб направился к выходу, он неподвижно застыл на месте на манер каменного истукана.

Интересно, почему же так испугался, что у него даже глаза на лоб полезли? Скорее всего, сразу же после ухода посетителя-гринго поспешил известить о заданном им вопросе кого надо. Может, даже кинулся со всех ног к самому Хуану Оньяте предупредить его, что в городе о нем наводит справки какой-то чужак?

«Нужно было остаться там и следить за черным ходом. Какой идиот!» – обругал себя Пенстивен и немедленно повернул обратно. Нельзя было терять ни минуты. Необходимо воспользоваться этой единственной зацепкой. Попытаться объяснить хозяину заведения, что он, Боб, вовсе не желает причинить зла разыскиваемому им сеньору Оньяте. Совсем наоборот – привез ему сообщение, которое, должно быть, содержит какие-то очень важные для него новости! Возможно, небольшая сумма наличными поможет убедить хозяина?

Все еще размышляя над этим, юноша оказался на площади перед харчевней и с удивлением обнаружил, что на двери заведения висит замок, а большие окна витрины закрыты глухими ставнями.

Он посмотрел на часы. Без десяти минут двенадцать, вроде бы не самое подходящее время для закрытия.

Ну конечно же! Теперь стало совершенно ясно, что одного его незатейливого вопроса оказалось вполне достаточно, чтобы питейное заведение было в спешном порядке закрыто!

Времени на раздумья не оставалось. Дверь главного входа заперта, но ведь можно попытаться зайти с черного хода. Как бы там ни было, а попробовать стоило; он должен во что бы то ни стало проникнуть туда, даже если для этого придется применить силу. При мысли о молниеносной быстроте, с какой мексиканцы при каждом удобном случае хватаются за нож, Пенстивен зябко поежился, но тут же поспешил успокоить себя, вспомнив, что вполне готов к подобному повороту событий, как, впрочем, и ко многому другому.

Он с горечью подумал о том, что если бы вокруг ничто не заслоняло обзора, как было в пустыне у источника, то все могло бы произойти гораздо проще. Но смерть, настигающая свою жертву в мрачных стенах чужого дома, подобна укусу змеи среди ночи!

Пенстивен внимательно оглядел дом, подмечая форму крыши, чтобы, зайдя со стороны заднего двора, отличить его от соседних строений. Затем пошел вдоль улицы, завернул за угол ближайшей постройки, миновал извилистый проулок и в конце концов очутился у цели. Задняя стена дома была глухой, без единого оконца. С единственной низенькой дверью, высота притолоки которой была сделана с тем расчетом, чтобы даже самые отъявленные гордецы, перешагивая через порог, преклоняли голову.

Пенстивен остановился в нерешительности, раздумывая над тем, как ему поступить дальше. Конечно, лучше всего было бы неожиданно вломиться в дом, не давая его обитателям никаких шансов подготовиться к его появлению. Однако воспитание взяло свое – он вежливо постучал.

В тот же момент у него за спиной раздался свист. Резко обернувшись, юноша успел заметить чью-то тень, мелькнувшую в темном дверном проеме дома напротив. Сложилось впечатление, что это было не что иное, как предупреждение хозяину харчевни!

Но этот свист стал последней каплей, переполнившей чашу терпения Пенстивена. Он схватился за ручку двери. Заперто! Увидев, что дверь открывается вовнутрь, со всего маху налег на нее.

Послышался тихий треск, дверь поддалась, и он влетел в узкий коридор, где царили полумрак и приятная прохлада.

Над головой у него блеснуло лезвие ножа. Юноша услышал тяжелое сопение нападающего, почувствовал, как рубит воздух его рука, сжимающая нож. Падая и пригибая голову, чтобы увернуться от удара, Пенстивен изо всех сил вцепился в мексиканца, сделав ему подсечку. Не удержавшись на ногах, тот с грохотом повалился на него, что-то невнятно выкрикивая и изрыгая проклятия.

Боб по-борцовски ухватил противника за ногу, удерживая его на полу вниз лицом. Затем поднялся и бросил взгляд в глубь коридора.

Откуда-то доносилась встревоженная возня. Слышался приглушенный женский голос, зовущий: «Хуан! Хуан!» Уж не Хуан ли Оньяте?

Он бросился к двери, что находилась почти в самом конце длинного коридора.

Она оказалась тоже заперта, но одного удара плечом хватило, чтобы преодолеть и это препятствие, а уже в следующее мгновение парень ворвался в тускло освещенную комнатку, в которой находились трое мужчин и одна женщина.

Женщина сидела на полу, у ног чумазого мужчины с отрешенным взглядом, того самого, которого Боб заприметил еще раньше в харчевне.

Двое других мужчин оказались справа от Пенстивена. Они стояли пригнувшись и очень напоминали котов, приготовившихся к прыжку. Один был вооружен револьвером; другой – длинным ножом, на зеркальном лезвии которого играли ослепительные блики, похожие на капельки воды.

Однако Пенстивен тут же определил, что они – лишь второстепенные фигуры. Глядя на невозмутимого человека в кресле, он вдруг понял, что именно придавало ему отрешенный вид – его правый глаз сильно косил!

– Ну конечно же, какой же я дурак! – воскликнул юноша. – Вы же и есть тот самый Оньяте! – И тут же добавил: – Скажите своим людям, чтоб не дергались, ладно? Они оба у меня на прицеле. Послушайте, Оньяте, я здесь совсем не для того, чтобы навредить вам. Просто меня просили передать вам послание.

– Кто просил? – поинтересовался тот, подавая знак двоим своим головорезам, до сих пор неподвижно стоявшим в углу комнаты.

– Шор. Из Маркэма.

– Знаю такого, – признал толстяк.

Он поднял указательный палец, в то время как вся ладонь по-прежнему оставалась на колене.

– Кстати, а как ты сюда вошел?

– Выбил дверь плечом, – объяснил Пенстивен.

– Слышала? – не повышая голоса, обратился мексиканец к женщине.

– Да, сеньор Оньяте, – поспешно закивала она. – Слышала. Простите, ради Бога, простите. Я убью этого мошенника Педро, называющего себя плотником, за то, что он сделал дверь из гнилого дерева!

– Ладно, умолкни, – велел Оньяте. – Теперь ты меня еще и по имени назвала. Ты, оказывается, еще и дура, и мозги у тебя куриные. Уйди отсюда, с глаз моих долой!

Жалобно всхлипнув, женщина поспешно вскочила на ноги и выбежала из комнаты. А ведь Оньяте так и не повысил голоса.

Где-то в конце коридора послышался торопливый топот, сопровождаемый отборной бранью.

– В комнату не входить, – скомандовал мексиканец.

Шаги тут же затихли.

– Закрой за собой дверь, – последовала следующая команда, обращенная уже к Пенстивену.

Он выполнил приказание. Внутри у него похолодело. Погруженная в полумрак тесная комната напомнила ему гроб, молодой человек был почти готов проститься с жизнью.

– Как тебе удалось пройти мимо стража у дверей? – поинтересовался Оньяте.

– Ввалившись в коридор, я сбил его с ног, ударив плечом под колено.

– Тебе повезло, – сдержанно констатировал толстяк.

– Да, – согласился Пенстивен.

– Удача намного важнее, чем разум и опыт, вместе взятые, – продолжил философствовать мексиканец. – Так что за послание ты мне принес?

– Бумажный свиток в маленькой трубочке.

– Давай сюда! А вы, парни, держите его на прицеле, пока он будет подходить ближе.

– Если они возьмутся за оружие или хотя бы шевельнутся, я первым начну стрелять, – предупредил Пенстивен.

Оньяте слегка подался вперед. В комнате воцарилось напряженное молчание.

Глава 10

Зато по крайней мере одно было очевидно – двое мужчин неподвижно замерли в углу, и даже тяжелый взгляд хозяина не мог заставить их сдвинуться с места. Уж слишком уверенно вел себя этот парень, так лихо ворвавшийся к ним в дом, и теперь его угроза прозвучала более чем убедительно. В конце концов Оньяте кивнул.

– Дурацкое положение, – произнес он, – но вынужден признать, тебе везет. Окажись на месте этих двоих кое-кто другой, он бы не испугался и тогда… – Мексиканец сделал неопределенный жест рукой, который, очевидно, должен был наглядно показать, как душа Пенстивена, расставшись с телом, отходит в небытие. – Затем подвел итог сказанному: – Ладно, амиго, подойди сюда и дай мне записку. Обещаю, мы будем вести себя хорошо.

Пенстивен осторожно прошел через всю комнату, не выпуская из поля зрения застывших у стены головорезов. Затем отложил один револьвер и, вынув левой рукой полупрозрачную трубочку, протянул ее Оньяте.

Тот немедленно вскрыл послание, привычно сломав футляр, для чего оказалось достаточно сдавить его между большим и указательным пальцами. Потом вынул из него узкий свиток тонкой бумаги, исписанный бисерным почерком, и принялся изучать сей необычный документ в луче света, пробивавшегося в комнату сквозь закрытые ставни. Его пухлые бледно-лиловые губы медленно шевелились, безмолвно проговаривая написанные слова.

В какой-то момент он вздрогнул и, оторвавшись от листка, взглянул на Пенстивена, после чего снова углубился в чтение.

Однако теперь толстяк уже не казался столь невозмутимым и самоуверенным, как прежде. Еще дважды он резко опускал руку, при этом испытующе поглядывая на Пенстивена, но в конце концов поднялся с кресла и принялся расхаживать из угла в угол. Оньяте был очень толстым, его огромное пузо покачивалось при каждом шаге, несмотря на широкий темный пояс, туго стянутый на месте предполагаемой талии.

Наконец он остановился перед Пенстивеном, поднес правую руку почти к самому подбородку, держа ее ладонью кверху и странно растопырив три пальца, после чего снова медленно опустил руку. Пенстивен молча взирал на сей странный жест.

– Ты что, не понимаешь? – удивился мексиканец.

– Нет.

– Тогда какого черта тебя прислали ко мне?

– Понятия не имею. Я в ваших делах ничего не смыслю, – признался парень.

– Тогда как тебе удалось сюда добраться? Как, если ты такой несмышленый?

– Без особых проблем, если не считать одного старика, который поджидал меня в пустыне у источника.

– Я его знаю. В лохмотьях, да?

– Ага.

– И ты сумел прорваться?

– Он слегка ранен. Пустяки, ничего серьезного.

Оньяте громко засопел. По всему было видно, что он крайне взволнован.

– И что теперь от тебя требуется? – спросил он.

– Проехать еще семьдесят пять миль до трех часов завтрашнего дня.

– Вот как? И куда же ты теперь поедешь?

– Туда, куда вы меня пошлете.

– А я пошлю тебя к черту! – воскликнул Оньяте и опять плюхнулся в кресло, жалобно заскрипевшее под тяжестью его туши. Откинувшись на спинку и вытянув ноги, он злобно поглядел на Пенстивена и повторил: – Я посылаю тебя к черту! Чего же ты не идешь?

У Пенстивена хватило ума промолчать. Он чувствовал, что на Оньяте возложено неподъемное бремя власти, оказавшееся гораздо тяжелее того, что мог он вынести на своих плечах.

– Пошли прочь! – внезапно приказал мексиканец, обращаясь к своим двоим подручным.

Оба покорно направились к двери и, по-кошачьи неслышно ступая, тихо вышли в коридор.

Оньяте указал пальцем на дверь.

– Тебе просто повезло, – повторил он. – А иначе уже давно бы валялся мертвым в луже крови вот здесь, у двери. Это-то ты хоть понимаешь?

– Нет, – отозвался Пенстивен. – Везение здесь ни при чем. Просто я не боялся ни тебя, ни твоих людей. Вот и все.

– Нас здесь было трое, – напомнил Оньяте.

– Я был уверен, что со мной ничего не случится, – пояснил юноша.

– Интересно знать почему?

– Потому что в первую очередь тебя волнует сохранность твоего собственного жирного брюха. Мимо такой мишени трудно промахнуться.

Оньяте подался вперед, и Пенстивен ничуть не сомневался, что за этим последует взрыв негодования. Однако на этот раз интуиция его подвела – толстяк вдруг расхохотался. Смех сотрясал его жирную тушу, и кресло под ним снова начало жалобно поскрипывать.

– Ладно уж, – в конце концов выдавил он из себя. – Хоть сеньор Шор и не шибко грамотный, но уж в людях-то толк знает, это точно. Вот и на этот раз прислал мне настоящего мужчину. Уж Шор-то не ошибается! Что ж, надеюсь, ты протянешь дольше своих предшественников. Жди здесь!

Толстяк вышел из комнаты через другую дверь, которую Пенстивен прежде не заметил.

Пенстивен сел в кресло, стоявшее в углу, и следующие пять минут провел в тишине и тягостных раздумьях о том, удастся ли ему выбраться живым из этого мрачного склепа.

Оньяте вернулся с небольшой седельной сумкой, которую тут же и вручил Пенстивену.

Содержимое мешочка тянуло фунтов на пять-шесть и было довольно объемистым.

– Знаешь, что здесь лежит? – задал вопрос мексиканец.

– Нет.

– По дороге можешь взглянуть, если хочешь.

– Мне все равно, – отмахнулся Пенстивен.

– Ты везучий, – заявил Оньяте. – Но только не стоит слишком зарываться и полагаться на авось. Содержимого этой сумки запросто хватит, чтобы угробить на месте десяток таких молодцов, как ты.

– Я это учту, – кивнул Пенстивен. – Но вы еще должны сказать, куда нужно доставить это хозяйство.

– Разумеется. Это в семидесяти пяти милях отсюда. Выезжаешь из Сан-Хасинто и направляешься в сторону гор, к Толливер-Трейл.

– А где это?

– Проклятье! – взорвался мексиканец и даже топнул ногой от досады. Но после короткой паузы продолжил: – Ну ладно, слушай, на выезде из Сан-Хасинто посмотришь на северо-запад и увидишь четыре высокие горные вершины, стоящие рядом. Тропа Толливер-Трейл проходит через все четыре – точно по центру.

– Ясно, – буркнул Пенстивен.

– Примерно у первых сосен или чуть-чуть подальше тропу пересекает русло ручья. В это время года он обычно бывает довольно полноводным. Тебе нужно ехать вверх по течению, так что сворачивай направо и езжай вдоль берега. Если ты и в самом деле не дурак, то, может быть, все-таки додумаешься слезть с коня и вести его в поводу, держа пистолет наготове.

– Я так и сделаю, – заметил Пенстивен.

– Если тебе повезет добраться до тех мест, то примерно через милю пути ты окажешься у старой хижины из необожженного кирпича – довольно большой постройки. Там должны находиться люди. Скажешь им, что ты от Оньяте и тебе нужен сеньор Эл Спикер. Если же кому-то еще вдруг захочется полюбопытствовать, что у тебя в сумке, гони его в шею. Не поддавайся ни на какие уговоры. Сумку отдашь лично Элу Спикеру. Понял?

– Да, – неуверенно пробормотал Пенстивен. – А те, другие ребята в самом деле станут допытываться, что лежит в сумке?

– Наверняка! – Мексиканец расплылся в презрительной усмешке. – И ради того, чтобы прибрать это к рукам, будут даже готовы разорвать тебя на куски.

– Ну что ж, – глубокомысленно изрек Боб Пенстивен. – По-видимому, поездка обещает быть приятной. А как я узнаю этого Эла Спикера?

– Он небольшого роста и худощавый. А еще у него большой лоб и нет подбородка. Вообще-то он никогда не отличался могучей челюстью, но даже то, что имел, уберечь не смог – отстрелили. Так что теперь он выглядит так, словно у него всего половина лица. Узнать его проще простого. Если придется ввязаться в драку – твое дело, но с сеньром Элом Спикером ссориться не советую. Он

выходит победителем из любой схватки и всегда дерется до тех пор, пока не отправит противника на тот свет. Гремучие змеи, знаешь ли, с виду тоже неказисты, однако убивают мышей, жаб и тому подобных тварей. Так что, сеньор, бери свою ношу и прощай! И уж позаботься, чтобы черт, к которому я тебя посылаю, не прибрал к рукам твою душу до того, как ты разыщешь сеньора Спикера. Он скажет тебе, куда ехать дальше. Ну все! Давай отправляйся! – И он нетерпеливо взмахнул жирной рукой.

Но Пенстивен задержался еще на самую малость, чтобы спросить:

– Скажите, а где тут у вас в Сан-Хасинто можно найти порядочного торговца лошадьми?

– Порядочного торговца ты не найдешь, их не существует в природе, – авторитетно высказался Оньяте. – Хорошие кони в Сан-Хасинто, конечно, есть, но они не продаются. Прощай! Поспеши, друг мой. И помни, что Толливер-Трейл – это излюбленное место для прогулок дьявола!

Выйдя из погруженной в полумрак комнаты, Пенстивен прошел по коридору и вскоре оказался на улице, залитой ослепительным светом полуденного солнца. Не без содрогания он заметил у стены справа от себя того самого часового, что совсем недавно поджидал его с ножом у двери. На лице мексиканца застыла злобная гримаса, глаза гневно сверкали, он что-то беззвучно шептал себе под нос.

Пенстивен поспешил пройти мимо этой перекошенной рожи, возникшей словно из ночного кошмара, и вскоре оказался на центральной площади, где оставил у коновязи своего мустанга.

Он спросил у местного мальчишки, как найти торговца лошадьми, и тот проводил его на пастбище, раскинувшееся на берегу мутной речки, где коротал время древний старик мексиканец, у которого было лицо святого, а улыбка отпетого мошенника.

Разглядывая пасущихся лошадей, Пенстивен в конце концов нашел то, что искал, остановив выбор на коне мышастой масти, которого трудно было назвать красавцем, но зато он обладал мощными ногами и хорошо развитой мускулатурой.

Оставив мустанга на попечение торговца и дав еще пятьдесят долларов в придачу, Пенстивен оседлал нового скакуна и потом проклинал его на чем свет стоит все сорок миль пути.

Но ничего не поделаешь, каким бы он ни был, следовало ехать, что Пенстивен и делал, стараясь не обращать внимания на тряску от неописуемой рыси животного. От нее его так подбрасывало в седле, что, казалось, душа вот-вот расстанется с телом. Даже езда шагом на этом коне превращалась в самую настоящую пытку, ибо он так активно двигал крупом, что возникавшее при этом волнообразное движение заставляло всадника раскачиваться в седле и клониться к холке.

Зато на этот раз Пенстивен пересекал пустыню с полной флягой.

Глава 11

Путешествие оказалось ничем не примечательным – просто очередные сорок миль пути, в основном по пустыне. Часть дороги пролегала через пески, сменяющиеся каменистыми участками, тогда из-под копыт идущего размеренной рысью коня вылетали снопы искр, а всадника крепко потряхивало в седле. Затем пошли бескрайние завалы вулканической породы, местами идеально гладкой, словно специально отполированной до блеска, местами образовавшей невероятные нагромождения, похожие издали на гигантские угольные кучи. Подхватываемые ветром крохотные острые пылинки попадали в глаза, причиняя кучу неудобств, а солнце в небе нещадно палило.

Затем маячившие на горизонте и окутанные колышущейся пеленой полуденного зноя голубые горы потемнели, приобретя коричневый оттенок, а на их фоне стали заметны силуэты зеленеющих сосен. И вот наконец наступил долгожданный момент, когда Пенстивен въехал под их благословенную сень, запрокинув голову и жадно наслаждаясь сомкнувшимися над ним вечнозелеными кронами.

Этот цвет был столь же желанным отдыхом для уставших, воспаленных глаз, каким могла бы стать вода для утомленного и иссушенного зноем тела. Душа

юноши ликовала, а сам он словно растворялся в тенистой зелени.

Солнце уже начинало клониться к закату, когда он выехал из соснового бора на берег того самого ручья, о котором говорил Оньяте. Это означало, что первоначальный расчет Шора был точен, и теперь ему осталось проехать всего-навсего каких-то тридцать пять миль! Всего тридцать пять миль? Впереди было еще целых тридцать пять миль мучений!

После дня, проведенного в седле, Боб уже не чувствовал ног, а онемевшая спина ныла и болела так, словно по обнаженным нервам стучали сотни незримых молоточков. И тем не менее он выжил.

Подьехав поближе к ручью, Пенстивен обнаружил, что, как и ожидал Оньяте, по песчаному руслу струился водный поток. Проехав немного вниз по течению, он остановился у небольшой заводи, где на поверхности воды играли золотистые и огненно-красные блики заката. Остаться равнодушным при виде такого зрелища оказалось выше его сил. Спешившись, он торопливо стащил с себя одежду, которую тут же старательно отряхнул от пыли и бросил на траву «остыть» – это было единственное слово, навязчиво крутившееся у него в мозгу, – после чего прыгнул в воду, проплыл немного и окунулся с головой.

Его мускулы так болели, что первые гребки давались с большим трудом, но затем мало-помалу Боб смог расслабиться. Усталость усталости рознь, известно, порой простая смена деятельности может стать самым хорошим отдыхом и весьма благоприятно сказаться на всем организме. Поплескавшись минут десять, Пенстивен вышел из воды, чувствуя себя отдохнувшим и посвежевшим.

Немного обсохнув под легкими порывами теплого вечернего ветерка, принялся натягивать одежду.

Он все еще одевался, когда откуда-то из зарослей его окликнул незнакомый голос:

– Привет!

– Взаимно, – отозвался Пенстивен.

Он пододвинул поближе к себе куртку, валявшуюся на земле рядом с камнем, на котором сидел. Затем взглянул на мустанга, мирно пасущегося поодаль со спутанными передними ногами. Там же сумка!

Тем временем из-за кустов выехал странного вида всадник.

Он прочно сидел в седле и был вооружен до зубов, имея при себе сразу несколько револьверов и винтовку, приклад которой торчал из седельной кобуры, к тому же рубаха на нем подозрительно топорщилась, что наводило на мысль о спрятанном за пазухой оружии. С запястья у него свисала кожаная плетка, рукоятка которой была инкрустирована серебром. Он носил сомбреро, украшенное золотым шитьем, и наряд с замысловатым орнаментом, искусно вышитым серебром. Однако одежда имела довольно жалкий вид и явно нуждалась в починке.

Юноше стало совершенно ясно, что перед ним человек, имеющий достаточно средств, чтобы дорого и со вкусом одеваться, и в то же время, очевидно, обделенный женской заботой.

И хоть за плечами у Пенстивена не было большого жизненного опыта, все же он не был шит лыком, а потому тут же понял, что парень явно не в ладах с законом. На вид ему было года двадцать три – двадцать четыре, во всяком случае если он и выглядел постарше Боба, то совсем ненамного.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Крисмас от англ. Cristmas – Рождество.

Купить: https://tellnovel.com/ru/brend_maks/neulovimyy-bandit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить